

 С. М.

МИХАЙЛОВ

первѣй
чувашскій
этнограф,
историк,
писатель

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

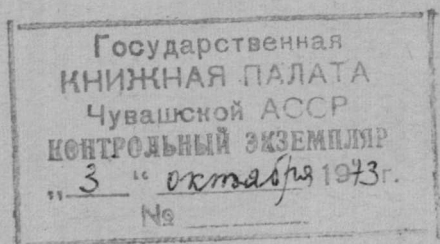
**С. М. МИХАЙЛОВ
ПЕРВЫЙ ЧУВАШСКИЙ
ЭТНОГРАФ,
ИСТОРИК И ПИСАТЕЛЬ**

Сборник статей

Чебоксары — 1973

Печатается по постановлению Ученого совета
Научно-исследовательского института при Совете
Министров Чувашской АССР от 28 сентября 1972 г.

Редактор
В. Я. Канюков

СПИРИДОН МИХАЙЛОВИЧ МИХАЙЛОВ. ЕГО ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

1

Спиридон Михайлович Михайлов — одна из замечательных личностей в дореволюционной истории чувашского народа. Выступив на литературной арене в начале 1852 г., он за восьмилетний период творческого взлета ярко проявил свой многогранный талант: создал неувядающие произведения по этнографии, истории и фольклористике чувашского, марийского и русского народов, по географии и статистике западных уездов Казанской губернии, написал несколько художественных очерков и рассказов.

В 50-х гг. XIX в. в России противоречия между отживающими феодально-крепостническими отношениями и новыми, капиталистическими производительными силами достигли наибольшей остроты. Поражение царских войск в Крымской войне 1853—1856 гг. показало гнилость царизма и феодально-крепостнического строя, ознаменовало начало революционной ситуации в стране (она не переросла в революцию, т. к. царизм поспешил провести реформу сверху, чтобы сохранить себя и феодальное землевладение).

Глубочайший кризис феодально-крепостнического строя, подавлявшего все передовое, и усиление капиталистической эксплуатации мучительно отражались и в национальных районах России. В середине XIX в. населенные чувашами, марийцами и русскими западные уезды Казанской губернии, о которых писал С. М. Михайлов в своих произведениях, представляли собой отсталый район Российской империи. Фабрично-заводских предприятий здесь было очень мало, но значительное развитие получили сельские промыслы: кулеткачество, корзи-

ноплетение и пр. Немало людей уходило на сторонние заработки. Началось капиталистическое расслоение крестьян. Чувашские и марийские крестьяне являлись крепостными феодального государства, русские — главным образом, крепостными помещиков. Крепостнический гнет все сильнее давил не только на помещичьих, но и на государственных крестьян. Систематически росли размеры подушной подати и оброка. Недоимки по налогам составляли огромные суммы. Лихоимство и злоупотребления чиновников среди чувашских и марийских крестьян не знали предела. В 1842 г. произошло мощное вооруженное восстание чувашских и марийских крестьян Козьмодемьянского и Ядринского уездов, жестоко подавленное царскими войсками.

Царизм и крепостники делали все для того, чтобы чувашские и марийские крестьяне прозябали в темноте и невежестве, потому что отсталые, неграмотные массы трудящихся легче было угнетать. В западных уездах Казанской губернии первые небольшие сельские школы были открыты лишь в 40-х гг. XIX в. Одна школа с 20—30 учащимися приходилась на 10 тысяч населения. Реакционеры-шовинисты и буржуазные идеологи разжигали ненависть к нерусским народам. Опасаясь возможной конкуренции зарождавшейся национальной буржуазии с русской, они распространяли клеветнические измышления об интеллектуальной неполноценности чувашей, о неспособности их к торгово-промышленной и научной деятельности. Люди местной национальности не допускались в аппарат управления. Волостные старшины из чувашей и марийцев были редким исключением. Но в стране вырастали и крепились прогрессивные силы. Представители передовых общественно-политических и идейных течений, революционные демократы с пониманием и сочувствием относились к положению трудящихся нерусских народов.

В такую эпоху и заявил о себе С. М. Михайлов. Если он выучился грамоте и возвысился до уровня высокообразованных людей русского общества благодаря счастливой случайности, то выступление его с научными трудами стало возможным только в условиях обострения классовой борьбы в стране, оживления демократического движения, назревания и наступления революционной ситуации в России.

Спиридон Михайлов родился 28(16) декабря 1821 г. в д. Юнгапоси Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне Моргаушского района Чувашской АССР) в семье крестьянина-чуваша. Отец его, Михаил Семенович Семенов, происходил из рода основателя деревни Яндуша, жившего при Екатерине II, был крестьянином среднего достатка, человеком хозяйственным и авторитетным в общине, владел и русской речью. Мать, Стефанида Николаева, происходила из д. Чиршикасов (близ с. Большой Сундырь), была развитой женщиной, знала, кроме родного чувашского языка, по-марийски и по-русски. Семья была большая. От первой жены Михаила Семеновича были дочери Прасковья и Мария, от Стефаниды Николаевны — сыновья Димитрий, Григорий, Спиридон, Илья, Николай, дочери Татьяна и Пелагея. Дети вырастали здоровыми, крупными, сильными, как говорил Спиридон Михайлович, атлетического телосложения. Димитрий и Николай служили в гвардии (349, 359, 394)¹. Сам Спиридон, в детстве красивый, миловидный мальчик, рос любознательным, впечатлительным. Уже с 6—7 лет он участвовал в домашних работах, помогал матери прясть (349, 351, 395).

К Михаилу Семеновичу время от времени заезжал русский *дос* (приятель, друг) — козьмодемьянский купец Тимофей Федорович Михеев, служивший прежде волостным писарем Орининской волости. Ему, не имевшему сыновей, нравился Спиридон. Он играл с мальчиком, ласкал его, обещал взять на воспитание и выучить русской грамоте. Спиридон уже в пятилетнем возрасте возгорелся сильной страстью к учению грамоте. Он пишет: «Не зная сам ни аза в глаза, я любил рассматривать духовные книги у приходского священника в приезд его к родителям моим по разным тремам. Книги мне казались божеством, а буквы в них драгоценностью. За неимением книг я любил чертить мелом на стенах в подражание писарям и малевать разных птичек и зверьков...». Мальчик рвался в город, чтобы выучиться грамоте.

¹ Здесь и далее цифры в скобках означают ссылку на страницы следующего издания: С. М. Михайлов. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972.

В 1829 г. он был отвезен к купцу Михееву. Самому купцу некогда было заниматься ребенком. Чувашский мальчик терпел оскорбления и унижения. Но была в доме Михеева жившая у него родственница, купеческая вдова Анна Кузьминична Дворникова, добрая, душевная русская женщина, которую он впоследствии с полным основанием назвал второй матерью. Она была внимательна к Спиридону и научила его читать и писать. Через год для его учебы нашли репетитора — писца магистрата, который, ведя разгульную жизнь, с мальчиком занимался мало. Спиридон настойчиво учился самостоятельно. После пожара в г. Козьмодемьянске, случившегося в 1833 г., в дом Михеева перешли на житье погоревшие родственники. Жить Спиридону у Михеева стало еще труднее, прибавилось обид от погорельцев. В конце 1833 г. Михайлов оставил дом купца (349—353, 394—395).

В 1834 г., в тринадцатилетнем возрасте, Михайлов «вышел в люди». Четыре года проработал он помощником писаря в волостных правлениях Козьмодемьянского и Ядринского уездов, в частности, в Татаркасинской и Больше-Шатьминской волостях, почти столько же — писцом у чиновников земской полиции в Козьмодемьянске. В эти годы Спиридон Михайлович непрестанно занимался самообразованием. Однако хороших книг у него не было. Читать приходилось, кроме служебной литературы, религиозные книги, популярные художественные произведения, сказки. А с восемнадцати лет он пристрастился к чтению научной и художественной литературы. Об этих годах Михайлов вспоминал: «Грамотность ценил я выше всего; только жалею, что цветущие года свои я провел в грязи между дурными людьми; делать было нечего: пробивая себе дорогу без покровительства и средств, мне и грязь казалась добрым путем». «...Не было у меня решительно никаких покровительств и средств, ползал, как червь, гнулся в дугу и нырял в лужу. В особенности терпел много от людей развратных, под влиянием которых находился и переходил мытарства...» Правда, встречались на его пути и добрые русские люди. В 1839—1841 гг. Михайлов работал у станового пристава А. В. Писрияева, участника Отечественной войны 1812 года. Этот чиновник, в отличие от других, терпеть не мог злоупотреблений и произвола власть имущих среди чу-

вашей и марийцев. У него Михайлов научился канцелярскому делопроизводству. С благодарностью писал Михайлов о нем: «Служил я у него ровно три года, и эти последние три года были порядочною школою для меня. Я после Писриева мог быть уже употребляем на хорошие дела» (353, 358—359, 354).

В 1842 г. С. М. Михайлов, как образованный человек, в совершенстве владевший русским, чувашским и марийским языками, был принят переводчиком чувашского языка и письмоводителем в Козьмодемьянский земский суд — основной административно-полицейский орган уезда, возглавлявшийся исправником. Здесь он проработал до конца своей жизни — девятнадцать лет (354, 357—360).

Портрета Михайлова не сохранилось. Однако из записи рассказа его брата Димитрия известно, что Спиридон Михайлович был крупным человеком — велик ростом, широк в плечах, полный. «Волосы у него были, также и борода с усами, рыжие, бороду не носил, брил, лицо и нос были чистые, приятные, только на правой щеке около глаза был самый маленький рубчик... Глаза были серые» (395).

В 1843 г. Михайлов женился на грамотной и культурной русской девушке из мещанского сословия Екатерине Петровне, разделившей стремление мужа к самообразованию. Впрочем, семью тестя Спиридон Михайлович описывает в очерке «Злополучный сын» (355—356, 395, 339—345).

И в годы работы в земском суде жизнь Спиридона Михайловича не была сладкой. Человек исключительной честности, он не имел никаких других средств к существованию, кроме жалованья. Он с женой (детей у них не было) и приемной дочерью Феодосией жил всю жизнь в нехватке, лишь к концу жизни с трудом сумел приобрести в городе небольшой домик².

Три раза собирались отдавать Спиридона Михайловича в солдаты. Первый раз — односельчане. Он сам вспоминал: «Когда же я стал приходить в совершенный возраст, то стали нападать на меня родные за то, что я не богат, не волостной писарь, не разъезжаю на трой-

² «Труды», стр. 358—360; «Записки» ЧНИИ, вып. IV. Чебоксары, 1950, стр. 243, 244, 245.

ках с колокольчиками, не бью и не терзаю чуваш, подобно властям их. Точно я был им бесполезен, не имея у себя ни гроша... и вследствие этого они хотели отдать меня в солдаты при первой рекрутской очереди». Второй раз, в 1848 г., и в третий раз, в 1856 г., злобствующие чиновники пытались отправить Спиридона Михайловича в солдаты, но безуспешно (359).

С поступлением в переводчики С. М. Михайлов обнаружил в архиве земского суда множество старых журналов и с жадностью перечитывал их. Его настольной книгой была «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Он с 1842 г. регулярно читал «Журнал Министерства внутренних дел», «Журнал Министерства просвещения», газету «Казанские губернские ведомости», журнал «Москвитянин», официальные правительственные газеты. Сведений о знакомстве Михайлова с современной ему передовой просветительской и революционно-демократической литературой не обнаружено. Им были прочитаны многие труды по истории, этнографии и археологии Поволжья. Особенно внимательно изучил он «Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии» (Казань, 1840) и печатавшиеся в «Казанских губернских ведомостях» за 1849—1850 гг. «Заметки о чувашах» В. А. Сбоева, изданные затем, в 1851 г., в Казани отдельной книгой под названием «Исследование об инородцах Казанской губернии, ч. 1. Заметки о чувашах». В своих сочинениях Михайлов делает ссылки на десятки книг научной и художественной литературы, в том числе на «Историю Пугачева» А. С. Пушкина. Постоянно занимаясь самостоятельно, Спиридон Михайлович стал высокообразованным человеком и общился к русской культуре.

Чтение исторических, этнографических и статистических трудов и общение с народом, глубокий интерес к его жизни, быту, прошлому побудили его попробовать писать самому. Вначале он, подражая хроникальным статьям, опубликованным в «Казанских губернских ведомостях», писал своему тестю, переведенному на службу в город Яранск Вятской губернии, письма, в которых подробно и красочно излагал хронику козьмодемьянской жизни. Долго он собирал, беседуя со старожилками, материалы для своей первой статьи «О пребывании в городе Козьмодемьянске государя-императора Павла

Петровича с великими князьями Александром и Константином Павловичами...». Определенный интерес в статье представляют сведения о возникновении Козьмодемьянска и его описание. 8 декабря 1851 г. эта статья была послана в редакцию «Казанских губернских ведомостей», а в начале января 1852 г. она была опубликована. Это вызвало у автора огромное творческое рвение. Редактор газеты Александр Иванович Артемьев (1820—1874), известный археолог, этнограф, географ и статистик, писал С. М. Михайлову теплые, душевные письма, советовал продолжать писать, оказывал поддержку молодому автору. Первое письмо Артемьева (от 18 декабря 1851 г.), в котором сообщалось о принятии статьи Михайлова в печать, вызвало в нем неопишуемый восторг. Отвечая на это письмо, Михайлов 29 декабря того же года писал: «...Сердце мое заговорило [во] мне. Не бойся отныне, фини! Теперь ты не презренный, не бойся, чуваш». Он здесь же сообщает, что некоторые козьмодемьянские учителя «заочно говорили обо мне, не знаю с какою целью: «Может ли быть, чтобы человек чувашского происхождения и не учившийся в высших учебных заведениях, стал писать дельное?» Конечно, сии слова можно скорее отнести к похвальности, нежели к унижению меня, ибо и патриарх русской словесности, Михайла Васильевич Ломоносов, был сын рыбака, как говорит писатель Жуковский в прозе, от деда получил липовую цевницу, а внукам своим передал пальмовую...». Далее он приводит биографические сведения о Ломоносове, об унижениях его во время учебы в академии... «...Но все сие от наук не отвратило его, — продолжает Михайлов. — Почему и я, хотя сам и подножие Ломоносова, не хочу отстать от начатого...». И Михайлов — Ломоносов в чувашском масштабе — твердо решил посвятить себя науке. В этом же письме он сообщает своему патрону программу исследовательских работ на ближайшее время: обещает выслать в редакцию описание часовни около дер. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда с историческими сведениями, затем — «полное описание о чувашах, равно разговоры и песни их», весной заняться «собираaniem вернейших сведений об одних древних укреплениях, находящихся в здешнем уезде, существовавших, вероятно, в эпоху владычества татар, у которых непременно должно быть мне самому

на месте, и сделать верный образ с получением сведений от местных жителей и других источников...»³.

В письме А. И. Артемьеву от 16 января 1852 г. Михайлов, касаясь публикаций своих статей, сообщает о своей жизненной цели: «...Вся моя мысль и все мои желания клонют к тому, чтобы несколько своих единоплеменцев повлечь за собою. Будет уже жить им в невежестве!»⁴.

В первых числах марта 1852 г. А. И. Артемьев выехал на работу в Петербург. Проезжая через Козьмодемьянск, он встретился с С. М. Михайловым, душевно поговорил с ним и попрощался со словами: «Трудитесь в пользу изучения любезного нашего отечества».

Видный востоковед профессор Илья Николаевич Березин (1819—1896), сменивший Артемьева в должности редактора «Казанских губернских ведомостей» и редактировавший газету до 1855 г., так же благожелательно относился к Михайлову, как и его предшественник, направлял исследовательскую деятельность краеведа.

В письме к историку М. П. Погодину от 25 апреля 1860 г. С. М. Михайлов пишет: «Благодетели мои Александр Иванович Артемьев и Илья Николаевич Березин не забывают меня, много я им обязан. Артемьев первый начал печатать мои статьи, пробудив во мне врожденную страсть к литературе, а Березин продолжал помогать мне в этом деле, издавши в 1853 году мою первую книгу «Чувашские разговоры и сказки» на свой счет. Не забуду благодетелей их до конца жизни!»⁵. Только благодаря покровительству прогрессивных представителей русской культуры С. М. Михайлов сумел проявить свой талант и осуществить свои мечты.

Статьи С. М. Михайлова «Старинная часовня около дер. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда», «Верноподданническая любовь к государству, оказанная крестьянином-рыбаком Труневым», «Описание обретения иконы святителя и чудотворца Николая в дачах деревни Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда в 1777 году», направленные в редакцию «Казанских губернских ведомостей» в начале 1852 г., не появились в печати. По-ви-

³ «Записки» ЧНИИ, вып. IV, стр. 233—235.

⁴ Там же, стр. 238.

⁵ Там же, стр. 243.

димому, редакцию более интересовали статьи не монархически-клерикального содержания, а этнографического, археологического и исторического характера. Этому и отвечала тематика последующих работ Михайлова.

3

Исходя из специфики статьи (обзор жизни и деятельности), мы характеризуем труды ученого не по научным направлениям, а по отдельности, следуя хронологической последовательности их создания и публикации.

Уже первый год активной научной деятельности С. М. Михайлова был весьма плодотворным. В «Казанских губернских ведомостях» (почти все его труды опубликованы в этой газете), кроме упомянутой первой статьи, в 1852 г. было напечатано шесть историко-этнографических его работ и началось печатание седьмого труда — «Чувашские свадьбы».

Второй по счету печатной работой Михайлова была статья «Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде», в которой рассказывается о весеннем народном, в основном молодежном, гулянье близ д. Сарлейкина Козьмодемьянского уезда. Сюда собирались чуваша и маришцы, приходили и русские крестьяне. Характеризуя межнациональные отношения в районе смежного расположения чувашско-маришских селений, автор указывает, что здесь нередко у маришца жена — чувашка, а у чуваша — маришка, в одной и той же деревне говорят на двух языках, оба народа живут дружно. По мнению Михайлова, для чувашей и маришцев весьма полезно также общение с русскими крестьянами (21—24).

Первые исторические сведения о родном народе Спиридон Михайлович нашел в его преданиях. В статье «Предания чуваш» освещены представления чувашей о народах и языках мира, о прибытии их предков на Волгу «из-за черного моря и из-за дальних гор», о происхождении их от древнего предка Чуваша, о родственных связях между деревнями (*ял*) и околотками (*касă*), об их хозяйстве и быте в старину. В частности, он отмечает такой пережиток кочевнического быта чувашей, как прием транспортировки поклажи выюком. Автором зафиксированы предания, правдиво отображающие невыносимо тяжелую жизнь чувашского народа в Казанском

ханстве, его решение присоединиться к России, помощь русским войскам в завоевании Казани. Интересны сведения о языческих верованиях чувашей, их крещении и степени распространения православия. Говоря о двух этнографических группах чувашей, Михайлов замечает, что «верховые к низовым имеют какое-то особенное уважение и называют их старинными или коренными чувашами, так как низовые чуваша и до сих пор костюм свой не переменили, одеваются так же, как будто и в старину; но верховые переняли манеры у черемис, по обычаю коих одеваются и живут» (25—31). Эту же статью, несколько переработав, дополнив и назвав «Исторический взгляд на чуваш», Михайлов в 1853 г. направил А. И. Артемьеву. Она сохранилась в рукописи.

В следующей статье — «Сундырская гора», — появившейся в печати в июле 1852 г., С. М. Михайлов уже обращается к археологической тематике. В ней он дает прекрасное описание и толкование городища времен Казанского ханства при с. Малом Сундыре Козьмодемьянского уезда, сообщает новые сведения о борьбе русских и горных марийцев против Казанского ханства (32—37). В эту работу Михайлов внес уточнение в опубликованной в том же году статье «Еще о Сундырской горе»: здесь он допускает, что городище могло принадлежать руководителю луговых мятежников Мамич-Бердею (43—44).

Вслед за «Сундырской горой» появилась статья «О музыке чуваш» — о музыкальной одаренности народа, о пузыре и пузырниках, гусях и гусярах (38—42).

В большом труде «Чувашские свадьбы» (печатание завершено в 1853 г.) с глубоким знанием вопроса прекрасно описаны свадебные обряды верховых чувашей, их одежда, украшения, пища, средства передвижения (45—69).

Уже в течение одного года С. М. Михайлов своими творениями успел обратить на себя внимание просвещенной общественности Поволжья. Казанский литератор А. Невзоров в обзоре литературно-научной жизни Казани за 1852 г., помещенном в журнале «Москвитянин», писал: «Те, которые читали статьи г-на Михайлова, невольно удивляются его оригинальному, но простому и выразительному складу мысли и слова; в молодом еще чувашском писателе заметно даже умение обращаться

с учеными предметами ученым образом, а в «Чувашских свадьбах» он является с русскими стихами»⁶. Подобные отзвы окрыляли чувашского ученого на новые творческие свершения.

В течение первой половины 1853 г. «Казанские губернские ведомости» печатали замечательный труд С. М. Михайлова «Краткое этнографическое описание чуваш». В том же году он вошел в изданную в Казани книгу С. М. Михайлова «Чувашские разговоры и сказки». В нем квалифицированно исследованы занятия, земледелие и скотоводство, поселения, жилища, пища, одежда, постели, вопрос о рождении и воспитании детей, праздники и увеселения, игры и игрушки, суеверия чувашей. Примечательны указания автора на то, что летнее жилище чувашей *лась* свидетельствует об их былой кочевой жизни, что верховые чувашаи в недавнее время переняли костюм от марийцев, причем у некоторых из верховых еще в середине XIX в. хранились старинные наряды, аналогичные одежде низовых чувашей. Последний раздел работы посвящен вопросу о происхождении чувашского народа. Анализируя многочисленные факты, автор предположительно утверждает, что «чувашаи происходят от разных племен... в них есть и болгары, и финны, и монголы». В прошлом известные как болгары, они стали выступать под именем чувашей после монгольского завоевания — падения Болгарского царства. К работе приложены тексты чувашских песен, пословиц и примет и их переводы на русский язык (70—96).

В «Чувашских разговорах и сказках» труд «Краткое этнографическое описание чуваш» занимает первую половину книги — 40 стр., под ним указан автор. Вторую половину книги, имеющую отдельную пагинацию (1—63 стр.), составляют: 1) Разговор анатры, т. е. низового чувашина, с вирьялем, т. е. верховым чувашинном; 2) Сборы на балдран-базар; 3) Старик Павел Фролов рассказывает молодому своему свату приключения, случившиеся с его отцом в 1769 году; 4) Рассказ дедушки Фрола о Пугачеве; 5) Рассказ дедушки Ивана о жизни в прошлом и происхождении названия вирьял; 6) Бесе-

⁶ А. Невзоров. Из Казани. Журнал «Москвитянин». 1853, № 2, кн. 2, стр. 53.

да между Матреной и Ольгой об отлучке последней; 7) Чувашские сказки; 8) Загадки чувашские; 9) Чувашские прибаутки. Составитель этих разделов особо не указан. Этнограф В. К. Магницкий в пяти работах, опубликованных в 1867—1901 гг., указывает, что составителем перечисленных разделов был священник с. Ишак Козьмодемьянского уезда В. П. Громов, который якобы сам подтвердил это (370). Магницкий также утверждал, что рукопись второй половины «Чувашских разговоров и сказок», приобретенная им от владельца дома покойного С. М. Михайлова, написана рукой В. П. Громова⁷. Историк П. Г. Григорьев согласен с Магницким. Однако мы имеем и другие сведения. Сам Михайлов в цитированном выше письме А. И. Артемьеву от 29 декабря 1851 г. обещает выслать ему собранные им разговоры и песни чувашей. А. Невзоров в самом начале 1853 г., задолго до опубликования книги, писал, что «Михайлов доставил в редакцию «Казанских губернских ведомостей» этнографические описания чуваш с большим собранием песен, пословиц, сказок, загадок, разговоров и поговорок чувашских, что все вместе составит толстую и очень интересную книгу»⁸. И. Н. Березин в рецензии на книгу «Чувашские разговоры и сказки» отмечал: «В чувашских текстах, представленных г-м Михайловым и собранных прямо из уст народа, дышит самобытная фантазия темных чувашских лесов...»⁹ В. П. Громов, проживавший в с. Ишаки, не мог описать сборы на балдранбазар у д. Сарлейкино, расположенной в 40 с лишним км от с. Ишаки. И многие другие записи совпадают с сюжетами михайловских трудов. Диалектолог Л. П. Сергеев сообщил нам, что тексты второй половины книги Михайлова относятся к сундырскому, а не ишаковскому говору. Разумеется, нельзя отрицать участия Громова в оформлении текстов. Спиридон Михайлович знал его, пользовался его библиотекой и мог прибегнуть к его услугам, в частности, по переписыванию и орфографи-

⁷ Рукопись ныне хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ), ф. 1215 (Н. Я. Агафонова), оп. 1, д. 14, лл. 758—763.

⁸ А. Невзоров. Указ. соч., стр. 53.

⁹ И. Н. Березин. «Чувашские разговоры и сказки», составленные Спиридоном Михайловым. Журнал «Москвитянин», 1854, № 14, кн. 2, стр. 71.

рованию записанных им самим чувашских текстов. Из переписки с А. И. Артемьевым, например, известно, что свое «Описание обретения иконы святителя и чудотворца Николая в дачах деревни Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда в 1777 году» он посылал «для точной проверки на место к одной духовной особе» (по-видимому, к священнику Чемеевской церкви)¹⁰.

«Чувашские разговоры и сказки» получили восторженный отзыв И. Н. Березина: «...Книга составлена со знанием дела... Чувашский быт... описывается очень рельефно... Очень любопытна глава о происхождении чуваш... Изданием чувашских текстов г-н Михайлов оказал большую услугу восточной филологии...»¹¹.

В своих этнографических трудах о чувашах С. М. Михайлов старался глубже осветить те вопросы, которые были обойдены в книгах А. А. Фукс и В. А. Сбоева. В отличие от многих своих предшественников, распространявших этнографические сведения, полученные лишь в одной местности, на весь чувашский народ, Михайлов всегда указывал, что он пишет о верховых чувашах.

Летом 1853 г. в «Казанских губернских ведомостях», в начале 1854 г. в газете «Русский инвалид» был опубликован очерк С. М. Михайлова «Казанские инородцы перед памятником Державину в Казани». Рассказав о большом интересе, проявленном неграмотными чувашскими крестьянами к памятнику Г. Р. Державина, к его биографии, автор заключает: «Таким образом и чуваша, слышущие доселе самыми необразованными инородцами, тоже любопытны, тоже умеют ценить добродетель не менее просвещенных людей и также способны к восприятию возвышенных понятий» (325—327).

Еще в начале 1852 г., ознакомившись с опубликованной в «Казанских губернских ведомостях» программой статистического описания уездов, С. М. Михайлов задумал сам составить такое же описание своего уезда¹². Его «Статистическое описание Козьмодемьянского уезда за 1852 год» (97—126) печаталось в упомянутой газете в течение всей второй половины 1853 г. Продолжение его труда, в виде особой статьи «Статистические очерки Козьмодемьянского уезда» (149—157), опубли-

¹⁰ «Записки» ЧНИИ, вып. IV, стр. 237.

¹¹ И. Н. Березин. Указ. соч., стр. 68—72.

¹² «Записки» ЧНИИ, вып. IV, стр. 239.

ковано в той же газете в следующем году. В труде автор квалифицированно освещает территорию, реки, озера, почвы, климат, времена года, атмосферные явления, ископаемые богатства, флору и фауну уезда, вопрос об основании порога и учреждении уезда, народонаселение, историю и состояние г. Козьмодемьянска и крупных селений уезда, степень образованности населения, дает этнографические сведения о русских, чувашах и марийцах, населяющих уезд, характеризует сельское хозяйство, промыслы и судоходство в уезде. Все эти вопросы рассмотрены автором не только в статическом отношении, но в ряде случаев и в эволюции. Им отмечены сокращение площади лесов на правом берегу, численности зверей, птиц и рыбы («рыбы против прошлых лет в реке Волге пораздо уменьшилось, по отзывам рыбаков, будто бы от пароходов, шумно и часто ходящих по Волге»), распространение садоводства и огородничества. Возделыванием картофеля, сообщает он, отличаются чуваша, которые под него отводят «особые обширные огороды», а «русские крестьяне прежде считали за грех употреблять в пищу картофель, но ныне и они, постепенно, начинают его сажать в огородах». Интересны приведенные автором данные о том, что в бурлаки ежегодно уходит 4—5 тысяч человек (до 1/5 мужского трудоспособного населения уезда), а зимою многие жители по найму купцов-промышленников занимаются лесоразработками. В уезде на 70 тысяч сельского населения грамотных было только 290, а в 7 сельских приходских училищах обучалось 187 мальчиков и 11 девочек. В этнографическом разделе описания исследователь приходит к выводу о постепенном бытовом сближении чувашей и марийцев с русскими.

В 1853 г. С. М. Михайловым была написана также статья «Об умычке чувашских невест». Представленная в редакцию «Казанских губернских ведомостей», она не появилась в печати, а рукопись и поныне не разыскана.

В написанной в том же году статье «Памятник преданности вере и царю», сохранившейся в рукописи, Михайлов рассказывает о построении в г. Козьмодемьянске каменной часовни в честь стрельцов города, погибших при взятии Азова в конце XVII в.¹³

¹³ ЦГАЛИ СССР, ф. 1215, оп. 1, д. 14, лл. 650—651.

Первой печатной работой 1854 г. у Спиридона Михайловича была публикация «Грамоты об именовании встарь чуваш татарами». Издана грамота от 10 июня 1689 г. из Приказа Казанского дворца чебоксарскому воеводе Б. С. Львову на владение общиной д. Оточева Кинярской волости Чебоксарского уезда сенокосами и озерами на Масловом острове. В документе приводится список грамоты 1594/95 г., представляющий большую ценность для изучения социальных и земельных отношений в Чувашии конца XVI в. Служилые чуваша в нем названы татарами (287—291).

Вскоре появилась в печати и другая публикация ученого — владенная выпись 1685 г.¹⁴ Издавая ее, Михайлов не разобрался, что она — подделка.

В труде «О происхождении имени «чуваш», направленном в Русское географическое общество и остававшемся до 1972 г. неопубликованным, С. М. Михайлов возвращается к вопросу о происхождении чувашского народа. Он возражает против отождествления В. А. Сбоевым чувашей с бургасами, утверждая, что буртасы — это мокша. Михайлов допускает, что предки чувашей могли жить в Сибири. Долгое время чуваша жили в Закамье, а затем, «по всей вероятности, во время нашествия на Болгары монголов», переселились на правобережье Волги, смешиваясь здесь с мари и мордвою. Эти мысли автора аргументированы фактами (127—132).

Работа С. М. Михайлова «Свадьбы горных черемис Казанской губернии» была опубликована во второй половине 1854 г. дважды — в газетах «Казанские губернские ведомости» и «Русский инвалид». Через десять лет ее перепечатали без указания автора в книге «Памятная книга Казанской губернии на 1864—1865 годы». Это — прекрасное исследование свадебных ритуалов, а также праздничной одежды и лица горных марийцев, не потерявшее своего научного значения и поныне (133—148).

Спиридон Михайлович с большим рвением занимается и этнографией русского населения уезда. Публикует статью «Капустки, простонародные игры в Козьмодемьянском уезде», где красочно, с приведением текстов русских песен, описывает молодежные вечеринки в г. Козь-

¹⁴ С. Михайлов. Местная археология, «Казанские губернские ведомости», 1854, № 32.

модемьянске, на которых играли чувашские гусяры — кумиры русских девушек. «Смотря на такую благосклонность русских красавиц к чувашским молодцам, невольно призадуматься, что со временем чувашаи сольются с русью. В настоящее время многие из таких артистов поженились на русских девушках и живут очень хорошо» (158—166). В этом высказывании ученого примечательно то, что перспективы сближения и постепенного, частичного слияния чувашей с русскими он связывал не с официальной политикой насильственной русификации, а с дружественным общением представителей двух народов и брачными связями между ними, т. е. с мирным, естественным процессом.

В том же 1854 году Михайловым были собраны «разные этнографические сведения из русской народной жизни Козьмодемьянского уезда, как-то: песни, обряды, поговорки, прибаутки и загадки», которые, по-видимому, представлены в Русское географическое общество, однако рукопись эта по сей день не выявлена¹⁵.

Такая же судьба постигла и другую рукопись ученого — сборник юмористических рассказов «Легенды про вятчан», направленный в 1854 г. в редакцию журнала «Москвитянин». Обнаруженные в дневниковых записях Михайлова четыре «легенды» опубликованы в 1972 г. (329—330).

С первого года своей научной деятельности, после переезда А. И. Артемьева в Петербург, С. М. Михайлов установил связь с этнографическим отделением Русского географического общества (РГО), куда представлял оттиски своих печатных трудов и рукописи новых работ. В 1854 г. Спиридон Михайлович был избран членом-сотрудником РГО. С этого времени он переписывается с крупным востоковедом-арабистом, археологом и нумизматом Павлом Степановичем Савельевым (1814—1859), принимавшим деятельное участие в руководстве этнографическим отделением РГО. В письме-некрологе от 8 июня 1859 г. Михайлов писал о П. С. Савельеве: «...Я лишился в нем одного из благодетелей и покровителей моих. Не знаяши меня лично, но знаяши заочно, по моим литературным занятиям, Павел Степанович

¹⁵ Архив Географического общества СССР, ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 9.

удостаивал меня иногда своими письмами, как любимото им обрусевшего инородца-писателя, вызывая, направляя и поощряя меня к просвещенной деятельности»¹⁶.

В 1855 г. Михайлов опубликовал статью «Покровская ярмарка в Козьмодемьянском уезде». Кратко остановившись на истории и социально-экономическом состоянии с. Покровского (Большая Юнга), автор характеризует состав привозимых на ярмарку товаров и ее торговые обороты. На ней реализовалось 8—10% привезенных товаров. Наряду с русскими купцами и крестьянами, на ярмарке торговали и горномарийские крестьяне, из которых были торговцы мылом и другими русскими изделиями. По внешнему виду торговца-марийца трудно было отличить от русского. Ярмарка эта являлась не только торгом. Она проводилась здесь и как увеселительный праздник. Сюда собиралась русская и марийская молодежь не только для покупки нарядов, но и для знакомства и бесед. Девушки высматривали женихов. Марийские «девицы весьма грациозны и, можно сказать, не хуже русских красавиц». Михайлов заключает: «Покровская ярмарка приносит еще и ту немаловажную пользу, что через оную инородцы, сближаясь с русскими, перенимают их нравы и обычаи» (167—171).

В 1855 г. у Михайлова немало времени ушло на копирование и комментирование спорного дела первой половины XVIII в., хранившегося у крестьянина д. Хоракасы Ядринского уезда П. Иванова. Рукопись «Списков со старинных заимствованных крепостей с чувашскими тамгами, совершенных до покорения Казанского ханства, и спорное земельное дело деревни Хоракасов Цивильского уезда с деревней Оринино Козьмодемьянского уезда» была представлена им в РГО¹⁷.

Сохранившаяся записная книжка («дневниковые за-

¹⁶ «Записки» ЧНИИ, вып. IV, стр. 241.

¹⁷ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 37 (А. И. Артемьева), д. 61, лл. 50—76. В 1909 г. это спорное дело по оригиналу, хранившемуся в Московском архиве Министерства юстиции, опубликовано Н. Н. Ардашевым. См. Н. Н. Ардашев. Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVIII в. о ясажных землях. «Записки Московского археологического института», т. IV, вып. I, М., 1909. Так называемые «татарские земляные письма XV в.» в действительности оказались документами XVI — начала XVII вв. См. «Ученые записки» ЧНИИ, вып. XXII. Чебоксары, 1963, стр. 106—126.

писи») С. М. Михайлова за 1855 г. свидетельствует о его усиленных занятиях по изучению историко-этнографической литературы и по собиранию этнографических и фольклорных материалов. В частности, сюда он записал юмористическую легенду «Чебоксарцы-свиносуды» (328).

В 1855 г. Спиридону Михайловичу удалось опубликовать лишь одну работу. По-видимому, сказалось оставление И. Н. Березиным поста редактора «Казанских губернских ведомостей» в связи с переездом в Петербургский университет.

Не лучшим оказался и 1856 год. В печати появились лишь комментированная публикация «История службы козьмодемьянских ямщиков» (292—322), в которую вошли документы 1681—1709 гг., и небольшая заметка «Для истории Казанского края», выясняющая дату прибытия императора Павла I в Козьмодемьянск¹⁸.

Ученый составляет политический памфлет «Отчего чувашаи давятся и какие меры должно принять правительство для предупреждения этого явления?», который под грифом «секретно» направляет в РГО. Михайлов протестует против клеветнического измышления некоторых этнографов о распространении среди чувашей «сухой беды» (*тип шар*), заключающейся якобы в том, что обиженный чуваш вешался во дворе обидчика. Проанализировав не так частые случаи самоубийств среди чувашей за несколько лет, исследователь приходит к выводу, что «сухая беда» фактами совершенно не подтверждается, а все случаи самоубийств имеют социально-экономические и политические причины. Для пресечения этого нежелательного явления Михайлов предлагает покончить с произволом чиновников, совершенствовать систему управления, требует замены порочных чиновников хорошими, добросовестными, которые должны «обращаться с инородцами благоразумно, поставив себя примером; с ними не пьянствовать и их не притеснять и не обманывать на каждом шагу, а, напротив, стараться сколь возможно привлечь от них к себе доверие и тем заслужить уважение народа, а не так, чтобы они почитали начальников за врагов». Должности головы и писарей в волостных правлениях, по его мнению, должны замещаться чувашами. Коштанов и мироедов из чувашей

¹⁸ «Казанские губернские ведомости», 1856, № 15.

шей и своеобразных жрецов чувашской языческой религии — юмзей автор считает вредной для народа прослойкой и предлагает «вовсе изжить» их из общества¹⁹.

В 1856 г. Михайловым была направлена в Российскую академию наук рукопись под названием «Древние тамги у чуваш»²⁰. Но и она до сих пор не выявлена.

В том же году Спиридон Михайлович приступил к подготовке крупного труда «Историко-этнографический очерк быта чуваш». Объемистое исследование, состоявшее из многих глав, в 1860 г. было отправлено редактору московского журнала «Сельское хозяйство» Н. И. Анненкову, который переслал его в журнал «Русское слово», затем — в журнал «Библиотека для чтения». К сожалению, рукопись этого ценнейшего труда, не увидевшего света, оказалась утраченной²¹. Сохранились лишь написанные в 1856—1857 гг. черновые наброски этого труда, представляющие большой научный интерес²². Отрывки из них ныне опубликованы в виде отдельных статей.

Содержащееся в черновых набросках историческое предание «О Сарые» повествует о борьбе легендарного богатыря — чувашского наездника Сарыя против жестокого и унижительного гнета казанских ханов и феодалов, о его обращении к русским властям за помощью и защитой (331—332).

В «Чувашских аристократах» рассказывается о двух богатых чувашах, допущенных в низовое звено управления в качестве волостного головы и заседателя в земском суде. Они являлись послушными слугами уездных властей в обирании чувашских крестьян. Чтобы поддерживать в народе их авторитет, правители уезда часто посещали их или принимали у себя за праздничным столом. Но это угощение падало тяжестью на чувашских

¹⁹ Ленинградское отделение Архива АН СССР, разряд IV, оп. 1, ед. хр. 946, лл. 1—11. См. также: С. М. Михайлов. Труды, стр. 172—173, 381.

²⁰ «Вестник Русского географического общества», ч. 19, СПб., 1856, стр. 61.

²¹ «Записки» ЧНИИ, вып. IV, стр. 242—245; «Список населенных мест по сведениям 1869 года. XIV. Казанская губерния». СПб., 1866, стр. LXV.

²² ЦГАЛИ СССР, ф. 1215 (Н. Я. Агафонова), оп. 1, д. 14, лл. 612—622.

крестьян: «аристократы» собирали за сделанный им прием «порядочную контрибуцию с своего народа», при этом и сами наживались. Так Михайлов едко разоблачает приемы колониальной администрации в угнетении чувашских трудящихся (192—193).

В статье «О приходских училищах в чувашских селах» С. М. Михайлов выступает за совершенствование обучения в чувашских начальных школах. Цель этих училищ — развить между чувашами грамотность, «а расторопнейших мальчиков приготовить на должности волостных и сельских писарей, занимаемые обыкновенно русскими». Пока что грамотные чуваша не допускаются в низшее звено управления. В целях улучшения качества обучения в училищах автор предлагает поручить обучение учителям, а не священникам, считает целесообразным открыть центральные училища в селах Ишаки и Чемеево. «В ученики должно записывать таких мальчиков, которые сами желают учиться, и не брать насильственным образом из корыстных видов» (190—191).

В черновых набросках труда представлено много другого, не вошедшего в опубликованные работы Михайлова. В частности, весьма ценны: описание чувашских музыкальных инструментов, раздел о нравственности чувашского народа и др. Целесообразно бы было опубликовать эти черновые наброски в целом.

В 1856—1857 гг. Спиридон Михайлович написал «Историко-статистическое описание посадов, сел и пристаней по реке Волге в пределах Козьмодемьянского уезда». Рукопись, представленная в Казанский губернский статистический комитет, не появилась в печати. Сохранилась лишь часть черновика работы²³.

В 1856 г. Михайлов был утвержден членом-корреспондентом Казанского губернского статистического комитета. Многие свои научные труды он направляет теперь в этот комитет, по представлению которого они печатаются в «Казанских губернских ведомостях». В следующем году в ней появилось пять михайловских работ.

В статье «Село Ишаки в Козьмодемьянском уезде» Михайлов исследует историю, географическое положение

²³ ЦГАЛИ СССР, ф. 1215 (Н. Я. Агафонова), оп. 1, д. 14, лл. 688—692; д. 15, лл. 1160—1162.

ние, природные условия, экономическое и культурное состояние замечательного чувашского селения. Пользуясь преданиями, автор прослеживает историю села с XIII—XIV вв., показывает возвышение Ишак со времени основания церкви в 1748 г. и фиктивного обретения образа чудотворца Николая в 1751 г. Село становится одним из центров одурманивания чувашских крестьян, своего рода «чувашской митрополией». Оно превращается в торгово-ремесленный пункт. Хозяйственное положение крестьян села незавидное. Урожаи скудны, нередко голод. Скотоводство развито слабо. Крестьяне испытывают большой недостаток в дровах. Значительной степени достигло социальное расслоение крестьянства. В селе несколько торговцев и состоятельных крестьян. Бедные крестьяне держат лишь по одной лошади, не имея другого скота. Есть и безлошадные. Большинство крестьян уходит в бурлаки и на лесоразработки. «Безлошадные бобыли-чуваши скитаются в работниках: либо живут у мельничных содержателей около села Ишак, либо в городе Чебоксарах». На ишаковских чувашей значительное культурно-бытовое влияние оказали русские. Оно чувствуется здесь и в женской половине населения (174—189).

В статье «О ярмарках в Козьмодемьянском уезде в 1856 году и о ценах на привозные товары в г. Козьмодемьянске» автор упоминает о незначительной ярмарке в г. Козьмодемьянске и подробно характеризует обороты, состав товаров и цены на ярмарке в с. Покровском. В заключение Михайлов указывает, что «цены на жизненные припасы, как и на все прочие товары, ныне почти вдвое дороже против прошлых лет». Это вызвано не только скудными урожаями хлебов и скотскими падежами. «...Есть причины нравственные, которые скрываются в самом характере нашей торговли, а этот характер составляют барышничанье, стачка и монополия». Например, яранские крестьяне привезли в г. Козьмодемьянск значительное количество говядины и начали продавать по 71 1/2 коп. за пуд. Но козьмодемьянские мясники тотчас закупили у них всю говядину и продавали ее горожанам по 1 руб. 14 1/4 коп. «...Хлеб у чуваш скупается за самую низкую цену, а потом богатый капиталист втридорога продает его беднякам-горожанам...

Подобные явления, если взглянуть на них строгими

глазами моралиста, возбуждают в уме очень грустные размышления...» (194—200).

Следом публикуется этнографический труд — «Масленица у горных черемис Казанской губернии». Исследуя быт горных марийцев, С. М. Михайлов часто сравнивает его с чувашским. Беспристрастно относясь к родному народу, чувашский ученый восторженно отзывается о положительном в соседнем народе. Так, читаем: «Горные черемисы проводят праздники лучше, нежели чуваша; они и в моральном и в физическом отношении превзошли их. Горный черемисин и живет почище, и в пище разборчивее, сам он строен, проворен и предприимчив». Рассказывая об общенародных масленичных каталищах горных марийцев в трех селениях уезда, Михайлов рассматривает историю этих селений, объясняет происхождение каталищ, описывает базары при них, праздничную одежду и украшения марийцев, упряжь на лошадях и пр. «В таком убранстве горный черемисин гордо, с какою-то важностью смотрел на встречного человека в русской одежде». Подробно описан автором и праздничный стол горных марийцев. Интересны и приведенные в статье данные о том, что марийцы и чуваша не всегда безропотно переносили произвол чиновников и военных, иногда крепко проучивали зарвавшихся негодяев (201—209).

В 1857 г. было опубликовано и «Историко-статистическое описание села Владимирского-Басурманова в Козьмодемьянском уезде». В нем Михайлов прослеживает историю поселения служилых новокрещенов, бывших чувашей и марийцев, основанного еще в XVI в. Новокрещены обрусели, в XVII в. стали рейтарами. В начале XVIII в. они были переведены в разряд государственных крестьян и считались однодворцами. В первой половине XIX в. они обеднели, занимались хлебопашеством, бурлачеством и погрузочными работами на пристанях. Среди них были и безлошадные (210—225).

Губернская газета под рубрикой «Местные известия» опубликовала сообщение Михайлова «О вступлении в Козьмодемьянский уезд 4-го батальона Охотского пехотного полка»²⁴.

В 1857 же году С. М. Михайловым были написаны и другие научные труды. Статью «О зверином промысле

²⁴ «Казанские губернские ведомости», 1857, № 27.

чуваши» он направляет в редакцию «Журнала Министерства внутренних дел», но она не увидела света и не обнаружена. А работу «Историко-статистическое описание Козьмодемьянского уезда» Михайлов представил полковнику М. Лаптеву, который использовал ее без указания имени автора в книге «Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния» (СПб., 1861)²⁵.

В эти годы ученым был создан и другой труд по марийской этнографии—«Описание быта черемис», направленный в редакцию журнала «Магазин земледения и путешествий». Но труд не увидел света и до сих пор не обнаружен.

В 1857—1858 гг. С. М. Михайловым были написаны еще две работы, не увидевшие света и поныне не разысканные. Рукопись «Описание лесного промысла в Козьмодемьянском уезде» была направлена в Казанское губернское правление для препровождения в Лесной департамент Министерства государственных имуществ, а статья «О сельских приходских училищах и об успехах учения в них инородческих детей» представлена в РГО, откуда перенаправлена в Министерство народного просвещения.

В опубликованной в 1858 г. статье «Село Чемеево в Ядринском уезде» много места отведено обнаружению иконы чудотворца Николая у дер. Юнги-Ядрино в 1777 г. Явления «чудотворных» икон инсценировали священнослужители; они же распространяли всякие легенды о таких иконах. Михайлов, будучи верующим человеком, относился к подобным легендам некритически.

В с. Чемееве 124 двора, входящих в 7 околодков. Здесь, как и в Ишаках, урожаи невысокие, скот мелкий, малопродуктивный, хозяйство крестьян незавидное. В связи с уничтожением лесов вывелась охота, сократилось пчеловодство, пересохли рыбные пруды и речки. Но истребление лесов промышленниками, вопреки здравому смыслу, продолжается. «Нельзя равнодушно смотреть на грубое невежество людей, не помышляющих о потомстве»,— заключает автор (227—236).

²⁵ См. В. К. Магницкий. Чуваши-этнограф Спиридон Михайлович Михайлов. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XVII, вып. 1. Казань, 1901, стр. 77.

Значительный интерес представляет «Очерк расселения русского племени в Козьмодемьянском уезде», появившийся в печати в 1858 г. Автор освещает русско-марийско-чувашиские отношения до падения Казанского ханства, появление селения Козьмодемьянска до основания города, рост городского населения за счет переселенцев. Вблизи города появилось Владимирское-Басурманово—поселение служилых новокрещенцов, впоследствии обрусевших, и русское село Троицкое. В статье дается демографическая характеристика 15 русским селениям уезда с указанием даты и обстоятельств возникновения некоторых из них (237—245).

В 1858 г. С. М. Михайлов написал анекдотическую новеллу «Человек предполагает, а бог располагает (Хитрая кошка)» и представил его в РГО. Это — дидактический рассказ: не обманывай, не хитри, иначе все обернется на твою же голову (333—334). Опубликован он лишь в советское время.

В творческой биографии С. М. Михайлова начало 1859 г. знаменательно опубликованием его замечательного труда «Свадебные обряды (русских) в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии» в газете «Русский дневник». В работе подробно обрисован ритуал подготовки и проведения русской крестьянской свадьбы, описаны русская одежда и пища, богато представлен фольклор. Редакция сопроводила статью несколькими словами «о замечательной личности ее автора», указав, что Михайлов — чуваш, «первый образованный, с европейским взглядом на вещи человек из этого племени, в которое едва только еще проникают первые лучи гражданственности. Г-н Михайлов давно обратил на себя внимание ученого мира...» (246—262).

В начале мая того же года в «Русском дневнике» появилась корреспонденция С. М. Михайлова, рассказывающая о весне в Козьмодемьянске (263—264).

В октябре «Казанские губернские ведомости» обнародовали обстоятельную статью Михайлова «Село Подберезье в Свияжском уезде». В ней освещены история в прошлом монастырского, впоследствии казенного русского села, природные условия, демография, землепользование, земледелие, огородничество, садоводство, пчеловодство, сельские промыслы и быт крестьян, просвещение. «Хлеба,— пишет автор,— на годовое продоволь-

ствие у многих недостает, и должны бывают покупать. По сей причине подберезьенские жители занимаются тканьем кулья и рогож...» (265—270).

В конце 1859 г. Спиридон Михайлович завершил художественный очерк «Разговор на постоялом дворе» и направил его в РГО. В нем остро бичуется чиновничий произвол среди чувашских крестьян. «Ныне в чувашах все такие головы поделаны, чтобы с живого шкуру драть. Нет житья от них бедным чувашам. Они хитры на злые выдумки»,—говорится в этом очерке (335—338), которому до Октябрьской революции так и не суждено было появиться в печати.

Выражением признания больших заслуг С. М. Михайлова в науке явилось награждение его в 1859 г. серебряной медалью Русского географического общества.

В последний год жизни ученый опубликовал в «Казанских губернских ведомостях» три небольших, но многозначительных статьи.

В «Известиях из Козьмодемьянска» автор, освещая городскую жизнь, касается нескольких ее аспектов. В январе прошли выборы на должности сельских заседателей в уездный и земский суды и переводчиков. В отличие от прошлых времен, замечает Михайлов, «на выборы стали являться грамотные и чуваша, и черемисы, весьма способные занимать эти должности». Но «прустным» называет он то, что «люди, имеющие влияние», стараются всеми мерами преграждать стремление инородцев к цивилизации. «Пожелаем, чтобы подобных личностей не было между нами в настоящий век просвещения». Михайлов здесь говорит от имени родного народа.

Купцы-лесопромышленники «...нажили большие капиталы, которых достанет и на их век, и на век детей их». Из-за мелководья они не успели сплавить заготовленный лес. «Понеся от того чувствительные убытки, некоторые купцы придумали начать тяжбы с рабочими, обвиняя их в несвоевременной стонке лесов, и описывать у них имение с целью взыскать с них убытки. Но разве рабочие виноваты в умалении воды в реках?» — с возмущением спрашивает Михайлов.

Автор также отмечает, что с прибытием в город резервного батальона «втрое вздорожали квартиры и под-

нялись цены на все жизненные припасы», что принесло дополнительные лишения городской бедноте и даже людям среднего состояния (271—274).

В другой корреспонденции С. М. Михайлов освещает вопрос о падении судоходства и судопромышленности с развитием пароходства на Волге и считает это закономерным явлением. С сочувствием говорит автор о трудной бурлацкой работе. Бурлаки «важничали и громко отвечали на вопрос о себе: «Иду на Волгу!», как будто гордясь своим званием. В каждом классе есть свое самолюбие, и бурлак важничал потому, что он шел в дальнюю путину зашибить копейку кровавым потом» (278—280).

Последняя опубликованная при жизни ученого статья — «Воспоминание о пугачевщине». Пугачевские события памяты народу, а чуваши и марийцы «даже ведут от него свое летосчисление: старики их от пугачевщины считают свои года и определяют хронологию разных народных событий». Далее автор освещает события пугачевского времени в Чувашии и Горномарийском районе в духе «Истории Пугачева» А. С. Пушкина. В образе старика-чуваша Михайлов выводит народ. Как известно, ядринское купечество, вооружившись пушками и ружьями, боролось против повстанцев. Чувашские крестьяне совершили приступ на г. Ядрин. Вооруженные ядринцы обманом небольшими группами впустили их в город и тотчас хватили и душили. «...Запирали их в дымные избы, морили голодом, вешали за ноги, крутили руки и головы, немилосердно били нагайками, посыпая спину солью и поливая раны вином. Старик этот хвалился, что у него спина соленая и наспиртованная, но, несмотря на все мученья, ему удалось-таки убежать» (281—284).

В 1860 г. Спиридон Михайлович написал еще три работы, до недавнего времени остававшиеся в рукописи. В статье «Масленица в Козьмодемьянске» он показывает внедрение нового в быт и обычаи горожан в связи с развитием капиталистических отношений (275—277).

В очерке «Злополучный сын» показано, как жадные, мерзкие люди и деспотические порядки в государстве погубили жизнь честного молодого человека (339—345).

За четыре месяца до кончины С. М. Михайлов написал автобиографический очерк. Посланный в редакцию

журнала «Москвитянин», он не был напечатан и сохранился в архиве историка М. П. Погодина. Очерк ценен для исследования жизни и творчества ученого (349—360).

Научная деятельность С. М. Михайлова не ограничилась созданием оригинальных трудов. Он снабжал фактическими материалами многих русских ученых. Его услугами пользовались венгерский лингвист Регули, финские филологи и этнографы Кастрен и Альквист, приезжавшие в Казанскую губернию для изучения языка, фольклора и быта чувашей и марийцев²⁶.

Жизнь Спиридона Михайловича оборвалась в расцвете его творческих сил: 15(27) января 1861 г. он скоропостижно скончался.

4

Как явствует из обзора трудов, С. М. Михайлов нередко в один и тот же год создавал и публиковал этнографические, исторические, статистические, публицистические работы, переходил от одной отрасли науки к другой. Выбор тем статей определялся то наличием фактических материалов, то появлением в печати программ экономических, статистических и этнографических описаний, то запросами редакций.

При всей творческой многогранности, Михайлов был главным образом этнографом, изучавшим быт и культуру верховых чувашей, горных марийцев и русского населения края. В первые годы своей научной деятельности он преимущественно изучал чувашскую этнографию, затем — марийскую, в последние годы — русскую. Многонациональный состав уезда, в котором он жил и работал, способствовал формированию у него тонкого этнографического чутья. Не пренебрегая изучением материальной культуры, он отдавал предпочтение исследованию духовной культуры народов — обычаев и обрядов (особенно свадебных), праздников, игр, народной музыки, фольклора.

Ученый не ограничивался фиксированием фактов,

²⁶ «Список населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния», стр. LXV; С. М. Михайлов. Труды, стр. 183, 188—189.

старался в ряде случаев объяснить их генезис и рассматривать их в эволюции. Он очень чуток к фиксации и объяснению новых явлений в быту и культуре народов. По его мнению, народ сам, в процессе труда, сообразуясь с жизненными потребностями, развивает свою культуру, но это развитие происходит не изолированно, в нем значительную роль играет взаимовлияние народов. В быту и культуре родного народа Михайлов видел не только положительное, но и отсталое, отрицательное, подчеркивал передовое, полезное в жизненном укладе русских и марийцев. Этнограф ратовал за сближение чувашских, русских и марийских трудящихся. Он был свободен от расистских воззрений, распространенных в этнографии середины XIX в. Для него характерны подход к этнографическим явлениям в социальном плане, обособленное рассмотрение этнографических показателей богатого и бедного слоев населения, подчеркивание влияния имущественной дифференциации на быт и культуру населения.

Михайлов никогда не разделял страсти тогдашних этнографов к экзотике и выдумкам. Он изучал жизнь, быт и культуру народа не как посторонний наблюдатель, а как человек, живший в его среде, вследствие чего труды его не содержат неточностей, все зафиксированные в них факты верны, суждения и выводы правильны.

Спиридон Михайлович не делал широких теоретических обобщений по этнографии (такой цели он и не мог ставить), его работы носят преимущественно описательный характер. Однако они своей оригинальностью, свежестью и совершенством, точностью и правдивостью заслужили широкое признание современников автора и последующих поколений, они имеют неопределимое значение для науки и нашего времени как добротный этнографический и исторический источник.

Как историк, С. М. Михайлов наметил верные пути к решению проблемы происхождения чувашского народа, проследил классовое расслоение чувашского общества в булгарскую и золотоордынскую эпохи, выяснил исключительно трудное положение чувашских трудящихся в Казанском ханстве и их стремление перейти под власть Русского государства, показал добровольный характер вхождения чувашского народа в состав России и его помощь русским войскам в завоевании Казани,

изучил некоторые вопросы положения крестьян Чувашского и Марийского краев и их классовой борьбы в XVII—XVIII вв., оставил наблюдения о развитии капиталистической эксплуатации трудящихся в первой половине XIX в.

Значительны заслуги С. М. Михайлова в изучении экономики, физической и экономической географии западного уголка Казанской губернии. Так называемые «статистические» работы ученого стали в настоящее время ценнейшими историческими источниками.

В своих публицистических выступлениях Спиридон Михайлович остро ставил злободневные вопросы общественной жизни, обличал пороки местного управления, показывал тяжелое положение чувашских и марийских трудящихся, стремился вывести их из темноты и невежества.

Литературные опыты Михайлова, остро ставившие социальные проблемы и обнаженно отображавшие суровую правду жизни, составляют важный этап предыстории чувашской художественной литературы.

Труды С. М. Михайлова отличаются литературным совершенством, богатством содержания, глубиной мысли, логичностью, композиционной завершенностью, прекрасным стилем, богатым, ярким и сочным языком. Свои научные труды он писал языком художника-писателя, а художественные произведения — с мудростью ученого.

О мировоззрении и общественно-политических взглядах С. М. Михайлова писал не один исследователь его творчества. В последних трудах некоторых ученых, изображающих Михайлова якобы как выдающегося чувашского просветителя-демократа и педагога, допущены необъективность и преувеличение в оценке его деятельности.

В период, когда формировались мировоззрение и общественно-политические взгляды С. М. Михайлова, в России существовали передовые общественно-политические и идейные течения, выступали революционные демократы. Однако мы не располагаем ни прямыми, ни косвенными свидетельствами о непосредственном влиянии на Спиридона Михайловича передовых идейных течений того времени. На Михайлова значительное воздействие оказали религиозная и официальная историко-этнографическая литература, правительственные журна-

лы и газеты, которые, конечно, не могли не оставить следа в его сознании. Но нам представляется, что в формировании мировоззрения и общественно-политических взглядов Михайлова определяющую роль сыграло то, что он был выходцем из крестьянских масс, жил в гуще народной, жил его интересами, мыслил как трудовой человек. Поэтому во взглядах Спиридона Михайловича мы наблюдаем некоторую противоречивость. С одной стороны, он не был свободен от царистских иллюзий тогдашнего крестьянства, почитания монархии, был верующим; будучи врагом языческих суеверий чувашей и марийцев, стоял за распространение христианства среди них, признавая его одним из средств их просвещения, хотя, в противовес тогдашней официальной политике, выступал за церковную проповедь на родном языке. Михайлов в какой-то мере страдал почитанием высших уездных и губернских чинов. Он не понимал, что истинные причины бедственного и несправедливого положения народных масс кроются в феодально-крепостническом строе и монархии, полагал, что царское правительство издает благонамеренные распоряжения в отношении «инородцев». С другой стороны, многие вопросы этнографии Михайлов трактовал как стихийный материалист, признавал эволюцию в обществе, быте, культуре, нередко высказывал демократические взгляды, близкие к просветительству, видел социальное и национальное неравенство в обществе. С каждым годом творческой деятельности общественно-политические взгляды ученого становились более демократичными. Он резко обличал эксплуатацию трудящихся промышленниками и торговцами, сочувственно относился к сельской и породской бедноте, выступал против произвола и злоупотреблений местных властей, за замену порочных чиновников добросовестными, хорошими, за допущение в низовые органы управления Чувашии и Марийского края грамотных чувашей и марийцев. Выступая за преодоление невежества и темноты народа, он ратовал за распространение в нем грамотности, за развитие сети школ, усматривая их важное назначение в подготовке управленческого персонала, стремился улучшить постановку обучения в сельских чувашских и марийских школах.

С. М. Михайлов сознавал полезность своей научной и литературной деятельности. «Из миллиона чуваш и чере-

мис,— писал он,— я первый еще писатель в России. Следует и из них кому-нибудь писать для общей пользы». Умер он в надежде, что потомки заинтересуются его научным наследием и скажут: «Вот с кем имел связи наш Спиридон Михайлов, писатель-самоучка»²⁷.

Творения С. М. Михайлова получили достойную оценку видных русских ученых А. И. Артемьева, И. Н. Березина, А. Ф. Риттиха и др. По нашим далеко не полным данным, о Михайлове говорится в тридцати пяти дореволюционных изданиях — в книгах, статьях, энциклопедических словарях (404—405). А. И. Артемьев писал о Михайлове так: «Как природный чувашенин, он знал превосходно язык и быт своего племени, и как человек, значительно развитой чтением, мышлением и практической жизнью в среде русской,— он с родственной любовью, но беспристрастно судил о своих соплеменниках. В этом отношении все его статьи очень замечательны»²⁸. А. Ф. Риттих в книге об этнографии народов Казанской губернии отмечал: «...Как только... успевали стряхнуть с себя вековой мох угнетения, дикости и затворничества, во многих случаях чувашаи выказывались очень способными и не менее сметливыми, чем русский крестьянин. Между ними появился даже писатель Михайлов на русском языке, который помещал в «Казанских губернских ведомостях» ряд интересных статей о своих собратях и удостоился даже быть членом-сотрудником императорского Русского географического общества. Мы же в настоящем разборе пользовались во многих случаях его указаниями»²⁹. Действительно, в книге Риттиха весь раздел о чувашах почти полностью написан по трудам С. М. Михайлова. Этнограф В. К. Магницкий, много сделавший для собирания рукописного наследия Михайлова и сведений о нем, опубликовал четыре специальные статьи о Михайлове и писал о нем в нескольких своих работах.

В советское время много сделали в изучении жизни и творчества Михайлова историк П. Г. Григорьев, литературоведы М. Я. Сироткин и В. Я. Канюков, педагог

²⁷ «Записки» ЧНИИ, вып. IV, стр. 244.

²⁸ «Список населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния», стр. LXV.

²⁹ А. Ф. Риттих. Материалы для этнографии России. Казанская губерния, ч. II, Казань, 1870, стр. 72—73.

Д. Е. Егоров. Осуществленное в 1972 г. издание «Трудов по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов» С. М. Михайлова послужит важным подспорьем в исследовании замечательного творчества чувашского ученого и писателя. Этнографам и историкам предстоит найти рукописи 12 неопубликованных трудов Михайлова и сделать их достоянием науки и общественности. Целесообразно выступить в печати с критическим анализом работ, посвященных творчеству Михайлова. В перспективе желательно ставить задачу создания его научной биографии.

Значение С. М. Михайлова в истории и науке заключается в том, что он своим замечательным творчеством большого таланта опроверг распространенный в его время расово-шовинистический предрассудок о неспособности чувашей и других народов Поволжья к научно-литературной деятельности, к высшим формам интеллектуального труда; открыл перед русским читателем подлинный чувашско-марийский мир: хозяйственный и социальный уклад, знания, дарования, быт, богатую духовную жизнь трудолюбивых, добрых народов, мечтавших о равенстве и братстве со всеми народами, и, насколько мог, заступался за интересы народных масс. Мы гордимся тем, что пионер чувашской науки и литературы был не серой фигурой, а ярким, превосходным талантом, сразу же показавшим большие потенции чувашского народа в научно-литературной деятельности. Творческое наследие Спиридона Михайловича представляет большую ценность для наших дней. Его прекрасные творения имеют огромное познавательное значение, представляют ценнейший источник для исследования этнографии и истории чувашского, марийского народов и русского населения Поволжья.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ С. М. МИХАЙЛОВА

Этнографом родного уголка называла С. М. Михайлова газета «Казанские губернские ведомости»¹. Его современник А. И. Артемьев отмечал превосходное знание им «языка и быта своего племени»². Труды С. М. Михайлова были высоко оценены тюркологом Н. И. Березиным и казанским литературоведом А. Невзоровым³. В оценке современников нет преувеличения. В самом деле, краеведческие информации С. М. Михайлова обстоятельны до скрупулезности. Круг интересов автора свидетельствует о его широкой эрудиции, позволяет говорить о нем как о выдающемся краеведе своего времени.

В пору, когда С. М. Михайлов делал первые шаги бытописателя, значительного развития достигла в России этнографическая наука, хотя труды этнографов того времени были преимущественно описательными. В бытописании ярко проявляются способности и С. М. Михайлова. Но как этнограф он вскоре выделился тем, что в трудах своих, с одной стороны, увлеченно анализирует историю народа, стараясь разгадать этногенетическую загадку, чувствует процесс исторического развития народной культуры, смены производственных отношений, с другой — страстно выступает против лихоимства и жестокого угнетения трудового населения своего края. В работах его сквозит неподдельное уважение к трудовому народу, к крестьянству, к его традициям и обычаям.

Он жил в годы, когда процесс бурного развития това-

¹ «Казанские губернские ведомости», 1854, № 12.

² «Список населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния». СПб., 1866, стр. XV.

³ Журн. «Москвитянин», 1854, № 14, кн. 2.

ро-денежных отношений сопровождался значительным ухудшением положения удельного и государственного крестьянства. Предпринимательские нравы проникали в патриархальную чувашскую деревню. Общинное право сменялось властью денежного мешка сельских мироедов. В этих условиях С. М. Михайлов проявляет себя тем, что ищет спасение для народа в просвещении. Его суждения на этот счет несказанно далеки от просто созерцательного бытописания.

В своих произведениях этнограф стремился обратить внимание мыслящей России на трудолюбие и способности родного народа, на богатство его духовной культуры, и одновременно — на социально-политическое бесправие его.

Большинство опубликованных работ С. М. Михайлова носит этнографический характер. Очевидно, однако, самый обширный и значительный труд С. М. Михайлова на этнографическую тему до нас не дошел. Называлась эта работа «Историко-этнографический очерк быта чуваш» или «Очерки по истории чувашского племени вирьял». Именно о ней А. И. Артемьев писал: «...Самое обширное и обстоятельное исследование его о чувашах, отправленное им в редакцию одного из столичных журналов, к сожалению, осталось ненапечатанным и, сколько известно, вовсе утратилось»⁴.

В числе известных нам этнографических трудов С. М. Михайлова заслуживает внимания «Краткое этнографическое описание чуваш». Очерк состоит из восемнадцати разделов. В нем рассматривается материальная культура, семейный быт, особенности народной педагогики, занятия, гигиеническое состояние жилища и населенных пунктов. Автор касается также некоторых сторон религиозных представлений народа. По заявлению самого С. М. Михайлова, он здесь только дополняет своих предшественников. Но сам взгляд на предмет исследования у него таков, что он не довольствуется регистрацией фактов, а ищет в них проявления души народной, связи их с историческим процессом общественного развития.

С. М. Михайлов значительное внимание уделял духовной культуре чувашского народа. Известно, что он собирал фольклорные произведения. В духовной жизни

⁴ «Список населенных мест по сведениям 1859 года», стр. XV.

этнограф видел яркое проявление самобытности народа. Так, рассуждая о чувашской музыке, он пишет: «...Каждый народ, более или менее придавая ей оттенки своего природного характера, любил выражать в ней внутреннюю жизнь и тем обнаруживал степень своего нравственного образования» (38). Эту мысль С. М. Михайлов развивает и в статье «Капустки, простонародные игры в Козьмодемьянском уезде»: «Известно, что песни — поэтические памятники жизни народной. Таким образом, по некоторым игровым песням не только можно иметь понятие о физическом положении страны, климате и других особенностях, но и о состоянии умственного образования жителей и об их наклонностях» (161).

Умение не только остро наблюдать, но и глубоко чувствовать внутреннюю жизнь простого народа проявляется и в исследованиях, посвященных духовной культуре других народов — русских и мари. Оставив единственное в своем роде описание свадебных обрядов чувашей, русских, мариЙцев, С. М. Михайлов проявил себя непревзойденным знатоком крестьянских традиционных обрядов. Даже одно детальное описание свадебных костюмов, не говоря уже о свадебном ритуале в целом, делает эти работы уникальными.

Описывает ли С. М. Михайлов быт чувашский, мариЙский или русский, он то и дело находит в нем взаимопроникновение культур народов местного края. Этнограф подмечает много общего в материальной культуре, обычаях и обрядах верховых чувашей и мариЙцев. В целом, взаимовлияние национальных культур рассматривается им как закономерный акт исторического процесса культурного развития народов. Он обращает внимание на многие русские заимствования, встречающиеся в быту, материальной и духовной культуре чувашского народа, приветствует стремление «бывалых» чувашей перестроить свой быт на русский лад. В этом он видит прогрессивный процесс приобщения людей к более развитой культуре.

С. М. Михайлов последовательно и настойчиво проводит в своих трудах мысль о том, что разноязычные трудовые люди не что иное, как братья, и подчеркивает особое положительное значение общения чувашей и мариЙцев с русскими. В статье «Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде» им дается красочное описание со-

вместного гуляния чувашей и марийцев, к которому присоединяются и русские крестьяне (22—23). С одобрением относится С. М. Михайлов к начинающим складываться брачным отношениям между чувашами и русскими (161). В просвещении и культурном слиянии с русскими С. М. Михайлов и видит выход из того приниженого и угнетенного состояния, в котором находился чувашский народ в условиях мрачной действительности царской России.

С. М. Михайловым написано несколько статей преимущественно исторического характера. Они посвящены истории населенных пунктов, отдельным археологическим памятникам. Им выявлены и опубликованы интересные исторические документы. Краевед пытается решить в своих статьях и отдельные проблемные вопросы истории чувашского народа.

Несомненно, что, опираясь на достижения исторической науки середины XIX в., он не мог бы правильно решить затрагиваемые исторические задачи, особенно вопросы, связанные с ранним периодом истории чувашского народа. Но заслуживает внимания сама попытка добиться научной постановки решения этих вопросов. И, в целом, развитие исторической науки показывает, что С. М. Михайлов стоял на правильном пути при решении этногенетической проблемы, хотя и не успел привести свои взгляды в стройную логическую систему. Ему принадлежит, пожалуй, самое тактичное для его времени заключение по вопросу этногенеза чувашского народа. «Я могу лишь предположительно сказать, — пишет он, — что чувашаи происходят от разных племен, так же как и все народы царства Болгарского: конечно, в них есть и болгары, и финны, и монголы, но отличились они уже после падения древнего царства Болгарского от грозной орды монголов, падения, сопровождавшегося кровопролитием; тогда они стали самыми беднейшими жителями, утратив первоначальное свое могущество, так что, наконец, стали чуваш дразнить «чуваш юваш», то есть «чувашаи робкие» (91).

В ряде своих работ С. М. Михайлов акцентирует внимание на интереснейших преданиях, отражающих отдельные этапы древней истории чувашского народа. Например, в статье «Предания чуваш» он отмечает: среди чувашей сохранилось предание, что предки их пришли

«из-за черного моря и из-за дальних гор» (27). В работе «Краткое этнографическое описание чуваш» он обращает внимание на то, что имена у болгарских государей были «Силка, Айдар — совершенно чувашские» (87). Там же он строит догадку, «что чуваша жили с болгарами и, вероятно, черные болгары управляли ими, как высшее сословие» (88). «Притом, разные названия болгар, встречающиеся в русских летописях, как-то: серебряные, черемшанские, тимтюзи и другие, означая, по-видимому, различные поколения одного и того же народа, без сомнения, даны им по именам рек и урочищ», — пишет он, допуская, что чуваша могли принадлежать к болгарским племенам (130).

И, наконец, прямо причисляет чувашей к тюркским племенам и считает, что «чуваша, будучи отрасль турецкого племени, обитали в Закамской стране на северо-востоке и, может быть, вышли они из Сибири, и что в последствие времени, когда в Болгарии явились из Аравии проповедники ислама, то многие из родовичей чуваш приняли мухамеданскую веру, потому что в числе последователей сему учению есть чувашские имена, как-то: Айдар, Бикбулат, Байгул, Иштарак, сын Байдарака, и проч. Даже сам Айдар, хан болгарский, при котором принят был ислам, носил чувашское имя» (130). С. М. Михайлов считает, что «из-за реки Камы, прежнего местожительства своего, вышли чуваша в нагорную сторону реки Волги, по всей вероятности, во время нашего нашествия на Болгары монголов, удаляясь в лесистые богатые места от грозных своих завоевателей, и с таким переселением некоторая часть их могла смешаться с мурдвою и черемисою» (130). Словом, С. М. Михайлов выдвинул такие типотезы, которые подтвердились дальнейшим развитием исторической науки.

С. М. Михайлов установил, что предания правдиво сохранили в народной памяти события, связанные с пребыванием чувашей в Казанском ханстве и присоединением Чувашского края к Московскому государству (26—27).

Стремясь проникнуть в дебри древней истории, он прежде всего основывается на тех народных преданиях, которые хотя и очень скупо, но в общем-то довольно верно отражали историческое прошлое. Несомненно и то, что он отбирал такие легенды и предания, содержа-

ние которых считал наиболее соответствующим исторической действительности. И что они дошли до наших дней в записи,— это конечно, также заслуга нашего первого этнографа и историка.

В статьях С. М. Михайлова получили отражение отдельные этапы и поздней истории чувашского народа. В статье «Воспоминание о пугачевщине», основываясь на рассказах очевидцев, он пишет о единодушной поддержке чувашскими и черемисскими крестьянами пугачевских отрядов, о глубокой симпатии народных масс к вождю крестьянского движения (281—284). И хотя С. М. Михайлов, следуя официальной терминологии, именует пугачевцев бунтовщиками, в статье прояскальзывают его личные симпатии к примкнувшим к Пугачеву мариЙцам и чувашам.

С. М. Михайлов занимался также выявлением старинных исторических документов. Прозорливым взглядом исследователя он определял ценность находящихся у населения документов. Некоторые из них были опубликованы. С. М. Михайлов научился читать старинные рукописи XIV—XVII вв., что само по себе являлось делом далеко не легким. Несомненный интерес с точки зрения использования исторических документов представляют его очерки «История службы козьмодемьянских ямщиков», «Очерк расселения русских племен в Козьмодемьянском уезде». На основании документов и преданий он создал историко-этнографический очерк «Село Ишаки Козьмодемьянского уезда».

Талантливый самородок за короткий срок своей деятельности сделал неимоверно много по исследованию этнографии и истории Чувашского края. И то, что он успел сделать, за истекшие после его смерти сто десять лет по значению своему в столько же раз, можно сказать, возросло.

О ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЯХ В ТРУДАХ С. М. МИХАЙЛОВА

Наряду с этнографическими и историческими очерками С. М. Михайлов написал статьи, в которых имеется географический и статистический материал по некоторым местностям Казанской губернии.

В статье «О Козьмодемьянске» он впервые дал подробный анализ географического положения города Козьмодемьянска. С. М. Михайлов писал: «Город Козьмодемьянск лежит на правом берегу реки Волги. Расстояние его от губернского города Казани 205 верст, от Москвы — 655, а от С.-Петербурга — 1329... Козьмодемьянск расположен на просторстве трех верст. Главная часть его помещается на открытой равнине, разделенной незначительным оврагом, называемым Поваренным; другая же часть его выстроена на возвышенной горе, в обрыве которой находится много ключей, откуда жители, удаленные от Волги, продовольствуются водою» (19).

В работе «Статистическое описание Козьмодемьянского уезда за 1852 год» С. М. Михайлов также описал географическое положение сел Ишаки, Покровское, Спасское, Ильинское и Троицкий Посад; рассказал о реках Волге, Ветлуге, Суре и незначительных речках, как Рутка, Кундыш, Арда, Парат, Большая Юнга, Унга, протекающих через территорию Козьмодемьянского уезда; указал, что, кроме означенных рек, в этом уезде есть 57 речек, 180 ручейков, 61 озеро, из которых считались большими: Ахмылево, Жидовинец, Криуша и Долгое. В этой же статье рассматривается качество почвы в разных местах Козьмодемьянского уезда, описывается климат, анализируется животный и растительный мир уезда (97—113).

Ряд работ С. М. Михайлова посвящен «статистике»

края, под которой в то время выступала, по существу, физическая и экономическая география. В работе «Статистическое описание Козьмодемьянского уезда за 1852 год» он указал количество населения в Козьмодемьянском уезде по сословиям, привел количественные данные о национальностях, населявших уезд (113—114).

Показатели другой части этого труда, вышедшего в свет под названием «Статистические очерки Козьмодемьянского уезда», помогают нам узнать, как обстояло дело просвещения населения в этом уезде. Оказывается, в 1851 г. здесь на 73846 душ было грамотных в городе Козьмодемьянске 480, уезде — 290, всего — 770 человек. «Следовательно, принимая в расчет общее число ревизских душ, пропорция грамотных к неграмотным, как 1 : 100», — отметил С. М. Михайлов (149). Имеющиеся в этой работе данные дают возможность представить развитие судоходства в Козьмодемьянском уезде: автор привел показатели о количестве судовладельцев и рабочих, занятых на судах, указал, по какой цене оплачивался их труд. Он привел также сведения о ценах на труд вольнонаемных рабочих: кузнецов, мельников, домработников, приказчиков, хлебопашцев. Интересная статистическая картина создана им по сельскому хозяйству: он указал количество разных видов скота, приводил цены на продукты питания, дал сведения о количестве земледельческих орудий (154—157).

В статье «О ярмарках в Козьмодемьянском уезде в 1856 г. и о ценах на привозимые товары в г. Козьмодемьянске» С. М. Михайлов рассказал о торговле на ярмарках в г. Козьмодемьянске и селе Покровском. Анализируя статистические данные, автор показал, что Козьмодемьянская ярмарка была незначительна, что большинство товаров продавалось на Покровской ярмарке. Он заметил, что цены на жизненные припасы, на все прочие товары «ныне почти вдвое дороже против прошлых лет. Причина этого — повсеместный скудный урожай хлеба и значительная закупь оптовыми торговцами, в особенности сала и подобных продуктов. Цены на говядину в Козьмодемьянске возвысились по случаю скотских падежей, бывших несколько лет сряду» (194—200).

Статьи С. М. Михайлова, как, например, «Историко-статистическое описание села Владимирского-Басурма-

нова в Козьмодемьянском уезде», «Село Чемеево в Ядринском уезде» и «Село Подберезье в Свияжском уезде» раскрывали в некоторой степени экономическое положение крестьян поволжской деревни накануне отмены крепостного права. С. М. Михайлов видел имущественное расслоение среди крестьян. Так, в статье «Село Подберезье в Свияжском уезде» он писал: «Хлеба на годовое продовольствие у многих недостает, и должны бывают покупать. По сей причине подберезьенские жители занимаются тканьем кулья и рогожи из мочал» (268). С. М. Михайлов отметил, что только в одном Козьмодемьянском уезде ежегодно уходило на заработки на Волгу около 5 тысяч человек. Он видел разорение не только крестьян, но и судовладельцев. В 1860 г., незадолго до своей смерти, он отметил в заметке «Вести из Козьмодемьянска», что «из прежних богатых судопромышленников многие пришли в совершенную нищету и едва пропитываются поденными работами на лесных пристанях, тогда как в свое время они сами были купцами. Грустно смотреть на такое положение людей нам известных...» (280). По мнению С. М. Михайлова, такое явление было возможно потому, что принадлежавшие судовладельцам барки и суда не могли конкурировать с пароходами.

С. М. Михайлов обличал эксплуатацию трудящихся торговцами. «Хлеб у чуваш,— писал он,— скупается за самую низкую цену, а потом богатый капиталист втридорога продает его беднякам-горожанам. По нашему простому разумению, дело выходит не совсем хорошо...» (200).

В целом содержащиеся в работах С. М. Михайлова статистические данные следует рассматривать как ценный исторический материал по изучению начала развития капитализма в Чувашском крае.

**КОЗЬМОДЕМЬЯНСКИЙ УЕЗД
ПРЕДРЕФОРМЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ
В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ
С. М. МИХАЙЛОВА**

Жизнь и творческая деятельность С. М. Михайлова были тесно связаны с Козьмодемьянским уездом и городом Козьмодемьянском. Чуваши по национальности, он в совершенстве владел горномарийским диалектом марийского языка. Свыше двадцати статей он написал об историческом прошлом города Козьмодемьянска, о быте чувашей, горных марийцев и русского населения уезда. Публикуя первое произведение — «Повесть о пребывании в городе Козьмодемьянске государя Павла Петровича...», Михайлов писал: «Свое... повествование я посвящаю гражданам Козьмодемьянска, как знак уважения и благодарности моей к ним за то, что они меня возвысили на степень человека русского и научили гордиться этим славным именем»¹.

С. М. Михайлову принадлежит одно из лучших произведений историко-краеведческой литературы предреформенного периода. В 1853 г. в двенадцати номерах «Казанских губернских ведомостей» была опубликована статья «Статистическое описание Козьмодемьянского уезда» (97—126). Продолжением этой работы является статья «Статистические очерки Козьмодемьянского уезда», опубликованная в 1854 г. (149—157). Они написаны в широком плане. В них содержатся подробные сведения о территории, населении, животном (зверях, птицах, насекомых, пресмыкающихся, рыбах) и растительном мире (дикорастущих, садовых, огородных, полевых и «нивяных» растениях) уезда. Михайлов рассказывает о достопримечательностях города и уезда, в частности, о стрелецкой часовне в г. Козьмодемьянске, о Троицком

¹ «Казанские губернские ведомости», 1852, № 2,

Посаде, о селах Покровское, Ишаки, Спасское и Ильинское. Многo места уделено описанию рек и озер. Приведены сведения о мельницах на них. Автор здесь же дал подробную, со знанием дела составленную характеристику качества почвы, климата, описал «воздушные явления» природы: движение комет, солнечные затмения, градобития (за 1846—1852 гг.) и т. д. Отдельный раздел посвящен описанию ископаемых богатств.

Михайлов приводит небезынтересные данные о развитии судоходства в Козьмодемьянском уезде. «Всех судопромышленников в уезде считается до 50 человек. У них судов, как-то: расшив и барок — насчитывается до 80, мелких судов, кладнушек и паромов — 50, всего — до 130» (154). В 1853 г. на пристанях уезда было 39 судов, на них насчитывалось 490 судорабочих. В сочинении Михайлова содержатся сведения о бурлачестве. По словам автора, «уходят в судовую по реке Волге работу ежегодно от 4 тысяч до 5 тысяч человек». Работали они бурлаками, водоливами и лоцманами. Если иметь в виду, что в Козьмодемьянском уезде по переписи 1850 г. насчитывалось 73846 чел. обоeго пола, то эта цифра — 4000—5000 человек, работавших по найму бурлаками, — весьма внушительна.

Бурлаки получали от 10 до 35 руб. в один конец (156). При ничтожных заработках они, как отмечает Михайлов, были обременены непосильными налогами. «Задаточными при найме деньгами покрывается взнос податей и повинностей за первую половину года, в остаток задерживается бурлакам на продовольствие во время пути» (156). В связи с этим указанием Михайлова уместно привести замечание Карла Маркса, сделанное им при конспектировании «Трудов податной комиссии»: *«Нечего сказать, выгодное занятие для крестьян это бурлачество: идти за 600—1000 верст за 9—15 рублей; быть далеко от дома как раз во время посева яровых, а то и дольше. Бурлачество выпадает на долю именно тех уездов, где земледелие дает весьма малые средства к существованию... Притом в с ю д у, где есть бурлаки, даже следуемую им плату они не получают в свои руки: большая часть платы вносится их нанимателями прямо в волостные правления в счет податей за крестьян, которые ушли бурлачить»*².

² «Архив Маркса и Энгельса», т. XIII, М., 1955, стр. 104.

В статистическом описании Козьмодемьянского уезда Михайлов приводит данные, свидетельствующие о широком вовлечении марийских крестьян в лесоразработку и лесную промышленность. «После навигации,— отмечает он,— с наступлением зимнего времени, многие жители уезда, в особенности живущие близ Волги, занимаются по найму породских и других промышленников заготовкою и вывозкою к пристаням бревен, брусьев, пятериковых дров и разных жердей. Так как наем бывает всегда с осени, то работы эти служат поселянам лучшим средством в уплате податей и повинностей за вторую половину года» (156).

В предреформенные годы и в сельском хозяйстве имели место явления, свидетельствующие о разложении феодализма и расслоении крестьянства. Так, например, часто практиковалось использование труда поденщиков в период уборки. «Вю время полевых работ поденщикам платится за жнитво от 10 до 15 коп., за сенокосение от 30 до 40 коп. серебром в сутки»,— сообщает Михайлов (157).

С. М. Михайлов приводит сведения, характеризующие состояние сельского хозяйства уезда. Он указывает, что главнейшим занятием населения уезда является «хлебспашество; но в селениях приволжских, не имеющих достаточного количества удобной земли, судопромышленность и бурлачество преобладают перед земледелием. В таких местах существует обычай, что или все полевые занятия предоставляются одним женщинам, с наймом временных рабочих, или же часть поселян, отлучающихся на бурлачество, возвращаются к рабочей поре домой... Родится хлеб средним числом сам-четверть». Основными земледельческими орудиями были соха и борона. На 77902 человека обоого пола в городе и уезде приходилось лошадей 25155, рогатого скота 14504, овец 35028, свиней 7506, коз 3751. «Значительных садов в уезде до 250, где снимается яблоков в хорошие урожаи от 2000 до 3000 пудовок». «Пчеловодством занимаются 222 чел. Ульев насчитывается до 1360 шт.». «Сверх того чувашаи и черемисы охотники разводить при домах своих хмельники, которых считается у них до 1328 огородов. Хмелю собирается, приблизительно, до 1600 пудов в год и, за употреблением на домашние потребности, продается на сумму от 200 до 300 руб. серебром, ценою от 4 до 5 коп.

серебром за фунт». Михайлов подчеркивает, что «у большей части жителей недостает хлеба на годовое продовольствие и они содержат себя более звероловством, птицеводством и лесными работами» (155).

Большое место в этом труде занимает анализ состояния сельских промыслов. Здесь же можно найти немало любопытных сведений о «степени образованности», развлечениях местных жителей Козьмодемьянского уезда. Этнографические сведения Михайлова, составленные на основе личных наблюдений над жизнью и бытом местного населения, представляют собой ценнейшую источниковедческую базу при изучении материальной и духовной культуры жителей уезда на стыке двух социально-экономических формаций (149—157).

В описании обоснована дата основания г. Козьмодемьянска (1583 год), принятая ныне исторической наукой; сделана попытка объяснить происхождение названия города: «чуваши именуют *Чикме холы*. *Чик* — значит «граница», а *хола* — «город». Следовательно, по выражению чуваш, Козьмодемьянск есть пограничный город или крепость, имевшая... оборонительное положение...» (117)³.

На основе изучения документов конца XVII века Михайлов выяснил обстоятельства сооружения Стрелецкой часовни в г. Козьмодемьянске. Она состроена в 1697 г. козьмодемьянскими стрельцами в честь победы в Азовском походе (115).

С. М. Михайлов был одним из первых историков-краеведов и этнографов, работавших по широкой программе изучения местного края. В этом отношении статьи «Статистическое описание Козьмодемьянского уезда» и «Статистические очерки Козьмодемьянского уезда» составляют поразительный по полноте и всесторонности труд, данные которого впоследствии полностью подтверждены исследователями.

В противовес авторам, оценивавшим моральные качества народов Поволжья в духе великодержавного шовинизма, Михайлов высоко ценил и уважал национальные чувства порных марийцев, их обряды, обычаи и

³ В объяснение чувашского названия Козьмодемьянска существенную поправку внес В. Д. Димитриев. См.: В. Д. Димитриев. Из истории городов Чувашии второй половины XVI—начала XVII веков. УЗ ЧНИИ, вып. XXIX, 1965, стр. 166—167.

культуру. Наблюдательность этнографа помогла Михайлову сделать точное описание марийского женского костюма (169—170).

В «Очерке расселения русского племени в Козьмодемьянском уезде» (237—245) С. М. Михайлов обратил внимание на употребление в исторической литературе предшествующего времени термина «горные черемисы»: «жившие в нагорной стороне назывались вообще горными черемисами, хотя между ними были и чуваша, а живущие на луговой стороне — луговыми» (237). В настоящее время новейшая историческая литература располагает четкой, документально обоснованной интерпретацией этнонима «черемисы», «горные черемисы», базирующейся отчасти на наблюдениях, сделанных Михайловым⁴. В статье приведены интересные сведения о происхождении, составе и численности русского населения села Покровского (Большой Юнги), деревни Копани, Троицкого Посада, деревень Красногорки, Болоники, Сосновки, Гавренихи, сел Владимирское (Басурманово), Ахмылово, Ильинская Пустынь и деревни Русская Рутка.

С. М. Михайлов собрал ценные сведения по истории частновладельческих населенных мест и попытался ответить на ряд важных вопросов, связанных с происхождением местного населения, историей русской колонизации, основанием некоторых сел и деревень. В дер. Руткинская Прива, принадлежавшей помещикам Евсееву и Матюнину и основанной во второй половине XVIII в. помещиком Соловцевым, жили крестьяне, переведенные, по мнению Михайлова, из Саратовской губернии. Накануне крестьянской реформы в деревне насчитывалось 160 душ мужского пола. Во второй же половине XVIII в. капитаном-лейтенантом И. А. Вашутиним была основана дер. Новая Елкина. Крестьяне были переведены частью из с. Ивановского-Елкина Ядринского уезда, частью из Новолодожского уезда Петербургской губернии. Перед реформой 1861 г. в деревне, принадлежавшей Вашутину и Цветкову, проживало 250 крепостных крестьян мужского пола. В 1836 г., в результате перевода крестьян на

⁴ См.: В. Д. Дмитриев. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках второй половины XVI — начала XVIII в. УЗ ЧНИИ, вып. XXVII. Чебоксары, 1964, стр. 118—119.

пустопорожнюю лесную дачу из Смоленской и Московской губерний, была основана дер. Сурская на р. Суре. В этой деревне в предреформенные годы проживало 252 крепостных крестьян муж. пола, принадлежавших помещику Микулину. Русское население Сундырского базара и д. Кумьи на Вятском тракте, по словам Михайлова, «не местные жители, а поселившиеся из русских селений для содержания постоянных дворов». Всего в 15 русских селениях уезда по данным 10-й ревизии проживало 5651 чел. обоего пола, т. е. $\frac{1}{13}$ часть населения уезда (244—245).

В статье «Историко-статистическое описание села Владимирское-Басурманово в Козьмодемьянском уезде» С. М. Михайлов показал экономическое положение крестьянства накануне отмены крепостного права (210—226).

Много интересного материала о развитии торговли содержит статья «Покровская ярмарка в Козьмодемьянском уезде» (167—171). Торговля в уезде освещается и в статье «О ярмарках в Козьмодемьянском уезде в 1856 г. и о ценах на привозимые товары» (194—200).

Для изучения экономического развития Марийского края 50-х гг. XIX в., этнографии горных марийцев и русского населения Козьмодемьянского уезда большое значение имеют статьи «Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде» (21—25), «Свадьбы горных черемис Козьмодемьянского уезда» (133—148), «Капустки — простонародные игры в Козьмодемьянском уезде» (158—166), «Масленица у горных черемис Козьмодемьянского уезда» (207—209), «Свадебные обряды русских Козьмодемьянского уезда» (246—262), «Сундырская гора» (32—38), «Еще о Сундырской горе» (43—44), «История службы козьмодемьянских ямщиков» (292—324)⁵, «Масленица в Козьмодемьянске» (275—277) и др.

Рукописи некоторых статей С. М. Михайлова хранятся в архиве Русского географического общества. В статье «Описание быта раскольников в Козьмодемьянском уезде, составленное в 1858 году» приведены любопытные

⁵ Эта статья в дальнейшем широко использовалась в книге И. Я. Гурлянда «Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века». Ярославль, 1900, стр. 218—219, 232, 242—246, 259 и др.

сведения о состоянии грамотности, о «молельных жилищах», об одежде, русских свадебных обрядах⁶.

В трудах С. М. Михайлова отражены закономерные процессы разложения феодально-крепостнического строя и зарождения в его недрах капиталистических отношений. Он писал, с одной стороны, о русских, чувашских и марийских крестьянах, о «черном народе», с другой, — о «коштанах» и мироедах, купцах и «аристократах», о «хлебных закупщиках», желавших забрать в свои руки весь хлеб нечестным путем, обманывающих горожан-бедняков, продавая им хлеб втридорога, о «корыстолюбивых духовниках».

Таким образом, С. М. Михайлова, как пытливого исследователя, страстно краеведа-историка, неутомимо собирателя всего того, что связано с жизнью, бытом, нравами и обычаями чувашей и горных марийцев, интересовали все вопросы хозяйственной и духовной жизни местного населения.

В настоящее время многие труды С. М. Михайлова стали ценнейшими источниками истории и исторической географии Чувашии и Горномарийского края, они значительно расширяют источниковедческую базу исследований по проблемам дореформенной истории чувашского и марийского народов.

⁶ Д. К Зеленин. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. II, II гр., 1915, № 16; Д. Е. Егоров. Спиридон Михайлов. Чебоксары, 1968, стр. 44—45.

С. М. МИХАЙЛОВ КАК ФОЛЬКЛОРИСТ

Начало второй половины прошлого столетия можно выделить в особый этап истории чувашской фольклористики. Именно тогда юживляется, приобретает определенные черты дело собирания и публикации произведений народного творчества, в трудах исследователей фольклор выступает и как хранилище народной мудрости, и как источник истории народной. Затем, в 70-е годы, устная поэзия составит основу текстового материала первого чувашского букваря, ляжет в корень творчества первых чувашских писателей. У истоков той новой фольклористики и стоял С. М. Михайлов.

Свою деятельность как фольклорист и этнограф он начал в то время, когда в русской этнографической науке спорили, конкурировали и вытесняли друг друга все новые направления и школы (славянофилы и западники, мифологическая и историческая школы и т. д.), когда ведущее положение в идейной жизни России приобретала революционно-демократическая общественная мысль. Выражением своего времени в творчестве С. М. Михайлова стала демократическая сущность всей его фольклористской деятельности. Он первый из чувашей взял на себя миссию исследователя своего родного края и родного народа в том широком плане, в каком это делалось русской наукой о русском народе.

С. М. Михайлов тесно был связан с крестьянством края — с чувашами, марийцами, русскими. Он хорошо знал их быт, их нужды, глубоко вникал в их разговоры, записывал песни, сказки, предания. Знание в совершенстве чувашского и русского языков давало ему возможность в записи воспроизводить оригинальный текст, как правило, сопровождая его русским переводом. Как со-

биратель, он порою прибегал к помощи учителей Козьмодемьянского городского училища и образованных лиц из разных селений.

Более полное представление о С. М. Михайлове — исследователе чувашского фольклора — дает нам его сборник «Чувашские разговоры и сказки», который содержит 4 чувашских песни («Чим-чим кăсăя», «Айта инке вӑрман» в двух вариантах, «Песня ребят чувашских», застольная песня «Арахмат»), 34 пословицы и приметы, образцы говоров чувашей анатри и вирьял, рассказы чувашина о приключениях, случившихся с его отцом в 1769 г. (о Пугачеве), две чувашские сказки, 43 загадки, 5 прибауток. Такое разнообразие жанров в одном сборнике никем из его предшественников еще не было представлено. К текстам Михайлов дает и их варианты. А относительно песни «Айта инке вӑрман» указывает, что она имеет варианты и в других публикациях: «Эта самая песня есть в записках г-жи Фукс, но там изложена она иначе, вероятно, так, как поют ее низовые чувашки»¹. Далее дается третий по счету вариант песни в его собственной записи.

В песне «Чим-чим кăсăя» Михайлов видит скрытое содержание и дает ему толкование: «Чирик, повадившийся в конопель, есть человек, находящий удовольствие в любовных связях». Песня эта, как явствует по Михайлову, в его времена бытовала во взрослом фольклоре. Затем произошла ее трансформация в область детского фольклора. От публикаций застольной песни «Арахмат» до наших дней сохранился один из ранних вариантов текста, относящегося к жанру крестьянской гимнической поэзии. Песня эта, указывает Михайлов, поется «на пирах чувашских в благодарность за новый хлеб».

Из двух сказочных сюжетов, представленных в сборнике С. М. Михайлова, один повествует о совместной работе крестьянина и медведя, другой — о поглощении земель людей, нарушивших нормы брачно-семейных отношений. Обе сказки очень давни по сюжетам (по указателю А. Аарне — Н. П. Андреева: №№ 9, 151, 1030, 722). Сюжет второй сказки намного отличается от сюжетов сказок русских и других народов. Сказка Михайлова

¹ С. М. Михайлов. Чувашские разговоры и сказки. Казань, 1853, стр. 34.

сохранила в себе следы давней борьбы человека за установление патриархальных общественных норм: в ней мать, вынуждающая своих дочерей выйти замуж за родных братьев, и дети, соблазняющиеся ее предложением, все разом поглощаются землей. Героиней выступает младшая дочь, протестующая этому противоземному, как утверждает сказка, требованию матери. А сказка «Сарма́спа упа тус пулни» («Как черемис и медведь друзьями были» — сюжет №№ 9, 151, 1030) хранит в себе следы высвобождения человека от тотемического мировоззрения. Сказка замечательна тем, что имеет жизнеутверждающее начало, рисует человека сильнее всех на земле разумом своим. В характере и поведении его подчеркивается смекалка и оптимизм.

С любовью отбирает Михайлов чувашские прибаутки, выделяющиеся среди произведений других жанров народного творчества лаконичной озвученностью, и дает толкование их содержательной и поэтической сущности:

Карчак-карчак

Хамла йўсси пор-и?

Старая старушка,

Нет ли у тебя хмельного
угощенья?

Михайлов тут же замечает, что, по чувашской примете, чувашские старухи щедры на угощение.

Хосан лаши, хора

лаша.

Казанская лошадь — черная

лошадь,

Астәрхан лаши — хала

лаша,

Астраханская лошадь —

буланая лошадь.

(«т. е. казанская лучше», — объясняет автор).

Тематически богаты и содержательны пословицы, собраные Михайловым для сборника. В них отражаются трезвое отношение народа к окружающей действительности, практическая сноровка и житейская мудрость, оптимизм и ирония.

Сборник «Чувашские разговоры и сказки» принес имени Михайлова значительную популярность. Вслед за этой книгой печатается ряд других его произведений этнографического и фольклористического характера. Михайловым публикуются легенды и предания, отражающие древнюю и позднюю историю народа («Предания чуваш», «Сундырская гора», «О Сарые» и др.).

Замечательна по фактографической значимости другая работа С. М. Михайлова — «Чувашские свадьбы», где к описанию свадебных ритуалов даются и тексты песен. Плач невесты, как произведение глубокой образности и лиризма, Михайлов здесь приводит в собственном художественном переводе на русский язык, а своим описанием он углубляет, подчеркивает выразительность картины исполнения самого произведения этого оригинального жанра: «Слов употребляет она при вытье множество. Если тогда знающему чувашский язык находиться близ плачущей невесты, весьма трогательными покажутся ее выражения, в особенности, когда начнет привывать родные поля, леса, воды, колыбель своего младенчества, воспитание родителей, благодеяния их, свои пруды... Скажу про себя: я некогда был на чувашской свадьбе и сидел подле невесты. Она, обнявши меня, стала привывать: «Ах ты, братец мой родимый! Позволь уронить мне несколько порячих слез на тебя; ты меня простишь, ты не обидишься; прости теперь меня, *пирён ыра олбут*, «наш хорюший господин», и не забудь моих сердечных слез». При этих умильных словах я не мог удержаться, чтобы не заплакать, может быть, это произошло и оттого, что рыдающая была родная моя сестра Татьяна...» (60—61).

В статье «Капустки, простонародные игры, в Козьмодемьянском уезде» Михайлов приводит тринадцать игровых песен, которые поются девушками и парнями на вечере, при исполнении игр. Анализируя идейное содержание их, автор статьи раскрывает и жанровые их особенности. «Собственно игровыми, — говорит он, — называются те песни, пение которых сопровождается какою-нибудь игрою, сообразною содержанию песни». И далее следует описание самих песен и их исполнения. Например: «Эту песню поют девушки, ставши в кружок, около которого молодец ходит, прибодрившись, и когда запоют до слова «ты взойди, сударь, в город», входит он в круг девиц, кланяется им по смыслу песни и целует избранную девушку. Таким образом доходит очередь до каждого молодого человека и девушки» (161).

В собирании и исследовании русского фольклора Михайлов явился еще одним своим трудом — статьей, опубликованной в «Русском дневнике» за 1859 г. (№ 12, 13), — «Свадебные обряды в Козьмодемьянском уезде Ка-

занской губернии». В ней он вместе с описанием свадьбы дает тексты причитания невесты после сватовства, песни девиц со стороны жениха, песни подружек невесты, слова дружки жениха в доме невесты при угощении гостинцами. Не менее подробно рассматривает автор и свадебные песни марийцев в статье «Свадьбы горных черемис Казанской губернии». В ней также приводятся тексты песен и ритуальных приветствий. Все эти описания по свадебным обрядам чувашей, русских и марийцев дают богатый материал для сравнительного изучения фольклора и этнографии края.

Из дневниковых записей Михайлова известно, что в 1854 г. фольклорист составил сборник юмористических рассказов (анекдотов) под названием «Легенды про вятчан». Анекдоты эти берут начало в народных пословицах, бытовавших в равной степени среди русских, чувашей, марийцев, удмуртов и других народов. Они по своим сюжетам близки к анекдотическим сказкам о пошехонцах, высмеивающим глупость, неряшливость, лень, вздорность, неумение работать.

Как видно, С. М. Михайлова интересовали все жанры фольклора: исторические предания и воспоминания, легенды (исключая мифологические), обрядовый фольклор, малые жанры, песни, сказки и анекдоты, причем фольклора не только чувашей, но и русских, мари, удмуртов.

Интерес С. М. Михайлова к собиранию образцов народного творчества был усугублен еще и тем, что перед реформами шестидесятых годов в среде русской интеллигенции усилилось внимание к положению крестьянства в стране. В статьях Михайлова заметно его стремление видеть в устном творчестве отражение реальной жизни, быта, мировоззрения самого народа. Он в своем творчестве шел путем, утверждавшим в науке народность как основную силу в развитии истории народа.

Любовь Михайлова к простому народу, к его устному творчеству выражается не только в собирании и изучении его образцов, но и использовании их в своих художественно-публицистических рассказах, статьях и очерках. Без знания народного творчества, его лучших произведений Михайлов не смог бы стать одним из замечательных деятелей культуры своего народа. «Самые даровитые поэты, самые талантливые композиторы ста-

новились гениями в своем творчестве только тогда, когда они соприкасались с народным творчеством, когда они обращались к его истокам»².

С. М. Михайлов был не только собирателем чувашского фольклора, но и первым его исследователем. Мы имеем достаточно оснований, чтобы десятилетие середины XIX в. назвать михайловским этапом чувашской фольклористики.

² М. И. Калинин. О задачах советской интеллигенции. Госполигиздат. М., 1939, стр. 65—66.

ТВОРЧЕСТВО С. М. МИХАЙЛОВА КАК ЭТАП УТВЕРЖДЕНИЯ НАРОДНОГО СОЗНАНИЯ В РАННЕЙ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Исследование литературного творчества С. М. Михайлова до недавнего времени велось в основном в направлении собирания и описания его сочинений. Высказывались мнения (подчас разноречивые) о его литературно-общественных взглядах. Сделана попытка (малодоказательная) рассматривать его как писателя-просветителя. Но если, как обнаружилось совсем недавно, собирание и публикация произведений писателя-краеведа сопровождались рядом недостатков и ошибок, искажений и извращений (14), то изучение его эстетики, его художественных воззрений оставалось самым слабым звеном в михайлововедении. Естественно, должным образом не определено место С. М. Михайлова в истории эстетики, расплывчаты указания на его роль в истории развития демократической публицистики и национального литературно-художественного творчества в целом.

В данной статье преследуется цель обратить внимание на некоторые моменты эволюции художественного сознания С. М. Михайлова как литератора. Автор ее исходит из того убеждения, что исследованию эстетики ранних чувашских писателей во многом должно содействовать изучение в их мировоззрении места и роли народного художественного сознания в его отношении к общественной мысли века. Кроме всего прочего, тут приходится считаться с тем обстоятельством, что, в отличие от классических литератур, бравших свое первое начало непосредственно в фольклоре и сочинениях летописцев, ранняя чувашская литература зародилась как письменность, привнесенная извне, и пришла в столкновение с духовными интересами народа; народное созна-

ние уже потом должно было в нее проникать, чтобы в письменности этой, литературе этой, было начато движение по пути ее демократизации. В дальнейшем проявление ею в той или иной степени народного духа выразилось: 1) в поисках восстановления объективной истории чувашского народа, прежде извращенной казенной историко-этнографической литературой; 2) в выступлении краеведов в защиту народной духовной культуры как идейной силы, влияющей на общественную жизнь народа, ею руководящей; 3) в защите писателями народных общественных и социальных интересов. Особенно четко такой поворот наметился к середине прошлого столетия, как раз тогда, когда в литературное творчество включился С. М. Михайлов. И он примкнул именно к тому направлению литературы, которое утверждало идею народности в духовной жизни общества.

Однако к моменту его выступления на научно-литературном поприще в русской общественной мысли остро столкнулись два резко противоположных направления во взгляде на проблему народности. В 30-х годах к расцвету пришла уваровская теория «официальной народности», которая проповедовала народность крепостничества, восславляла в русском крестьянстве дух патриархальной покорности, утверждала в самом понятии «народ» его преклонение перед православием и самодержавием. На резкой ее критике, на полном отмежевании от нее зародилось революционно-демократическое учение, открывшее России идейное движение против крепостничества и всяческих его проявлений в системе самодержавия. В те же 30-е годы В. Г. Белинский объявил, что народность литературы определяется тем, насколько в ней «выражение общества» является «выражением духа народного»¹. При этом понятие «дух народный» революционерами-демократами освобождается от идеализации патриархального уклада общественной жизни крестьянства.

С. М. Михайлов был далек от революционно-демократического понимания народности. Он не имел критического взгляда на официальную позицию. По своим общественно-политическим убеждениям он целиком остался на вере в «справедливого монарха» и в «вели-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 29—34.

кую миссию» православной церкви, несущей, как он полагал, свет и разум народам, разрушая и уничтожая язычество как зло, как невежество, как насилие жрецов, шарлатанство юмзей. В своем демократизме он был больше близок научным кругам Казанского края, ученым Казанского университета, с кем лично и через труды их он общался. И демократизм его более всего выразился в ратовании за равные права народов России, в защите прав нерусских народов Поволжья, в призывах к одолению нищеты трудового люда и невежества путем искоренения несправедливого к нему отношения местного чиновничества и распространения в народе грамоты.

Велика любовь С. М. Михайлова к своему народу. Любовь сыновняя. Пылающим жаром души охвачена публицистика его, вся взывающая о внимании к нуждам труженика.

А каково ее содержание? Взгляд на вещи, по духу крестьянский, вот что выражает страсть и разум писателя. Мироззрение, в основе своем крестьянское, определяло его демократизм, его пределы и границы. Оно объясняет те противоречия, какие воздвигались им в собственных его произведениях между той картиной бесправия и насилия над трудовым народом, которую объективно видел его художнический глаз, и теми идеалами справедливости и порядка, которые субъективно строил его ум.

А методы исследования? Историк-этнограф и бытописатель, он с самого начала, кажется, избрал себе тот путь проникновения в основы народного бытия, который в середине девятнадцатого столетия и отличал новизну научного направления русской демократической этнографии и фольклористики. В духе научной мысли нового времени он ищет познания народа своего в его истории, поэзии и этнографическом быте. Историческими фактами и древними преданиями он подкрепляет гипотезу (ныне подтвержденную наукой) о движении чувашских предков с юга Сибири на Волгу, следы чувашской истории он находит в описаниях древних булгар («О себе») и легендах о взятии Казани русскими войсками (26—27, 87—91, 355). В «Воспоминаниях о пугачевщине» его привлекает живучесть в народе исторических традиций свободолюбия и воспевание им непокорности своей. В деталях выписывает он бопатырский портрет народно-

го воина-пугачевца, некогда плененного карателями, но не сдавшегося: в нем сидела такая сила непокорности, что он выдюжил творимые над ним палачами муки, остался жить, гордый своей неистребимостью (284). Отношение С. М. Михайлова к народному творчеству таково, что фольклор он рассматривает как кладезь художественного таланта народного и летопись истории народной. На фольклорном материале им воссоздан поэтический портрет народа, возвышенного душой, здорового духом, мудрого делами. В его описаниях народ предстает тонким художником («Чувашские разговоры и сказки»), одареннейшим музыкантом («О музыке чуваш»), чутким ценителем природы («Балдран-базар...»). Народ воспет им в описаниях семейных и общественных обрядов, в публикациях загадок и пословиц, песен и сказок. «Сказки у чуваш,— заключает он,— почти такие, какие в «Тысяче и одной ночи»: яблоки у них пляшут, а листья бьют в ладоши; у источников для жаждущих серебряные ковши, лошади богатырские» (88).

Квалифицируя С. М. Михайлова просветителем, его биографы наших дней исходили главным образом из того положения, что-де предложения писателя об обновлении системы просвещения среди нерусского населения концентрируются вокруг идеи приписываемой ему (14) цитаты «преподавать на родном языке науки»². В доказательство даже были сделаны изыскания о якобы причастности его к лингвистике и составлению чувашских букварей³. Дальше-больше. С опорой на подобные заявления утверждалось: «С. М. Михайлов, первый наш просветитель, талантливый писатель и этнограф, историк и лингвист, пытался создать подлинно национальную письменность на основе диалекта верховых чувашей. Но безвременная смерть прервала эту работу»⁴.

На самом же деле новое, что предлагалось С. М. Михайловым в «иностранном просвещении», заключается в другом. Его высказывания и предложения на этот счет

² Д. Е. Егоров. Спиридон Михайлович Михайлов (Историко-педагогический очерк). Чебоксары, 1968, стр. 42. В ряду других с ссылкой на ту цитату делал свои суждения и автор этих строк в книге «От фольклора к письменности» (1971, стр. 93).

³ См.: Д. Е. Егоров. Указ. соч., стр. 48 и др.

⁴ М. Ю х м а. Чувашей книга золотая. Газ. «Литературная Россия», 1971, 26 ноября.

касаются целей, способов и содержания обучения в приходских училищах. «Цель образования в них чувашлят, — пишет он в «Историко-этнографическом очерке быта чуваш...», — состоит в том, чтобы развивать между этим народом грамотность, а расторопнейших мальчиков приготовить на должности волостных и сельских писарей, занимаемые обыкновенно русскими» (190). Эта мысль в статьях его и очерках повторяется.

Итак, первое — развивать в народе грамотность. То есть — просвещением к благу повернуть бытие народное. Ибо «кто не имеет истинного просвещения, тому и жизнь не в жизнь»⁵. Тут национальное самосознание писателя развивается и раскрывается в его активном отношении к проблемам духовного обновления общества. Отсюда — второе — просвещение, по нему, должно служить такому общественному развитию нации, чтобы сами представители народа могли участвовать в государственном управлении и в политической жизни страны. Пусть народом управляют писаря—чуваша, маришцы!.. При этом, разумеется, Михайлов не просто тешил себя тем, что «свои» — лучше. Идея предполагала многое: преодоление барьера языкового (администрация говорит на языке народа), психологического (народ не видит в администраторе пришельца; а пока же, как не раз он указывает, головы и писаря везде поделаны плуты и мошенники пришлые); самая большая надежда, конечно, возлагалась на то, что представители народа будут знать нужды его и заботиться о благополучии его, затем — через них, своих представителей, вместе с ними, народные массы будут постепенно вовлекаться, проявлять себя, участвовать в общественно-политической жизни и т. д.

«Ныне, — пишет он в 1860 году в «Известиях из Козьмодемьянска», — на подобные должности нет недостатка в грамотных и даже дельных людях, как бывало это в прошлые времена: на выборы стали являться грамотные и чуваша, и черемисы, весьма способные занимать эти должности. Но прустно то, что люди, имеющие влияние, употребляют во зло данное им доверие: вместо того, чтобы руководить инородцев на пути гражданственности, они стремятся всеми мерами преградить

⁵ «Отчего чуваша давятся...» (1856).

стремление их к цивилизации; вероятно, старинная половица о ловле рыбы в мутной воде имеет еще силу в низшем слое влиятельных лиц... Пожелаем, чтобы подобных личностей не было между нами в настоящий век просвещения и чтобы их заменили люди добросовестные, с здравым смыслом, могущие руководить нас, инородцев, к добру и истреблять монгольские понятия в подчиненных» (271—272).

В этой цитате Михайлов весь с его стилем наступательной публицистики, с его взглядами на современное ему просвещение, с его понятиями о добре и зле. Грамотность, цивилизацию и гражданственность он ставит в один ряд, в полную друг от друга взаимосвязь. Приветствуя расширение числа школ в чувашских и марийских селениях (а в других корреспонденциях он настойчиво предлагает открывать новые школы то в одном, то в другом селении), веруя в реальную общественно-преобразующую силу грамотности местного населения, время свое он называет веком просвещения. А что до административного управления местным населением, то тут, полагал он, совершенство будет достигнуто, как только в низшем слое чиновничества будут расставлены «люди добросовестные», воспитанные в духе «здравого смысла». Здесь много идеализма. И это было замечено сочувствовавшими ему современниками. Когда в корреспонденции «Село Подберезье...» отличительную особенность общественного положения жителей села он усмотрел в растущем количестве грамотных, «из коих теперь многие служат волостными и сельскими писарями...», и вообще «здешние крестьяне большею частью выбирают в волостные головы по своей расторопности», то редакция «Казанских губернских ведомостей», где корреспонденция печаталась, заметила в его адрес: «...автор несколько украсил действительность. Все мы очень хорошо знаем, что наши сельские приходские училища... далеко не достигают своей цели, которая, конечно уж, заключается не в том только, чтобы образовать ловких писарей...» (266).

Касательно вопросов как и чему учить, С. М. Михайлов критически относился к распространенной в его время системе способов обучения и всячески поддерживал идею христианско-нравственного воспитания. Он убежденно стоял за преподавание наук в приходских учили-

щах специально на то подготовленными в семинариях учителями, а не попами церковными («сии наставники, будучи по своей обязанности часто отвлекаемы разными требами по приходу, не могут с успехом преподавать им учения..» — 190). Школа, по нему, должна считаться с интересами народными, а не быть орудием насилия. «В ученики... не брать насильственным образом из корыстных видов. Я уверен, много найдется среди чуваш охотников учиться грамоте, если только дадут им хорошее направление» (191). Под «хорошим направлением» он понимал ограждение мальчиков, отдаваемых на письмоводство, от дурного влияния канцелярии, где, «находясь под руками неблагонамеренных руководителей, чуждых всякого образования, они портятся и в нравственности». А потому «полезнее было бы образовывать чувашлят духовно-нравственным образом: кроме чтения и писания, преподавать им церковные правила, дабы они лучше могли понимать о христианской религии» (190).

Таким образом, интересы чувашского и марийского народов проистекают, с одной стороны, из своеобразия их быта и общественного положения, с другой — из исторических их перспектив развития в едином «русско-прославленном» государстве. Такой подход к проблеме послужил тому, что своими убеждениями и практическими стремлениями С. М. Михайлов отходил от насильников-русификаторов и в ряде моментов, можно сказать, предвосхитил программу поволжских шестидесятников, открывших новое направление в просвещении нерусских народов, направление, основанное на отказе школой и церковью от методов принуждения, направление, объективно так или иначе приблизившее письменность к народной культуре.

Как писатель, С. М. Михайлов свое общественное положение то и дело соизмеряет с положением родного народа, расценивает свое творчество исходя из того, насколько оно народу полезно. «Не бойся огньине, финн! Теперь ты не презренный, не бойся, чуваш», — восклицает он в письме А. И. Артемьеву, и в этих словах звучит не просто восторг за успехи своего сочинения, о котором лестно опозвался русский ученый, не просто бурное выражение благодарности ему, но и внутренний взрыв, жажда разорвать путы национального неравенства. В письмах иной раз он себя называет «обрусевшим ино-

родцем-писателем», вкладывая в это понятие свое участие в русской печати, в русской научной и публицистической литературе. Чаще же он именует себя «писателем-самоучкой из чуваш». С. М. Михайлов равно заботится о просвещении и своего, и соседних народов. Близко к сердцу принимает он заботы о судьбе марийцев. Следовало бы, мечтает он, из чуваш и черемис быть не одному писателю — «для общей пользы».

Писательское мышление его во многом опиралось на народное творчество. В научно-этнографических изысканиях Михайлов обладает оценочным взглядом на явления фольклора, т. е. как бы мыслит вне влияния самого фольклора. В то же время исторические факты и события зачастую он рассматривает и расценивает с позиций народной непосредственности. Он ищет на земле справедливости божеской. Изобличая в этнографических записках и публицистических очерках вершителей судеб чувашской деревни — писаря, голову, купца, лесничего, мироедов («чувашских аристократов»), он прежде всего взывает к их совести. Справедливость, по нему, должна твориться честным служением «царевых слуг». Михайлов делает рекомендации так «управлять чувашами», чтобы всякий, кто облечен властью, служил примером нравственности и справедливости. «На должности голов и писарей выбирать людей с хорошими качествами, а не испорченной нравственности, какие большею частью ныне занимают эти должности» (172—173).

Живший в глуши заботами крестьянства, он и смотрит на действительность глазами крестьянина. И видит плохих правителей здесь, в низах. Он как бы не задумывается, не допускает мысли о несправедливости там, выше — в уезде, в губернии. Понимание сущности феодально-крепостнического строя самодержавия — причины всех бедствий трудового крестьянства — для него не было доступно. В рассуждениях о мирской справедливости он бы общий язык находил более всего с мужиком, всю жизнь мечтающим о «добром барине» и «хорошем царе».

И это все не мешало быть ему исследователем во взгляде на этнографический быт и культуру народа, быть «с европейским взглядом на вещи» человеком (246). Пробужденный прогрессивной общественной мыслью, русской литературой, русской публицистикой, ум его искал проникновения во все, что касалось жизни и быта

родного народа. И перо свое писатель пробовал в различных жанрах.

Еще современники различали в Михайлове два «склада мысли и слова»: научный и художественный⁶. Художественное и научное в творчестве С. Михайлова имеют тенденцию к взаимослиянию. Как исследователь, научно оперируя фактами, Михайлов то и дело порывается к художественному их описанию (пример: статья «О музыке чуваш»). И, напротив, в очерках, более или менее свободных от чисто научно-этнографических задач и тем тяготеющих к произведениям художественно-литературным, он придерживается научной точности фактов, достоверности деталей. Таков «Разговор на постоялом дворе», таков «Злополучный сын». Воспринимая действительность прежде всего как бытописатель, бытоисследователь, в способах типизации он менее всего прибегает к художественному вымыслу. Хотя пути его литературного творчества идут по традициям литературным. Здесь сказалось то, что большим вниманием С. Михайлова пользовался тип художественного очерка, в 40-х годах XIX в. введенный в русскую литературу «натуральной школой».

С. М. Михайлов с живостью заявил готовность участия в задаче, выдвинутой перед литературой писателями этой школы, — создать произведения, «которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России, которая включает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев...»⁷. В принципах русского «физиологического очерка» он нашел много близкого своему народному взгляду на вещи, народному способу повествования. Ему импонировало установившееся в очерковой литературе новое направление: следование фактам и достоверности. Достоверность фактов в очерках С. М. Михайлова чаще всего сочетается с конкретностью фольклорного повествования. Составляет ли он записки путешественника, облекает их в форму народного устного рассказа, в данном случае — подробного пересказа разговора, происшедше-

⁶ См. в статье В. Д. Димитриева цитату из литературного обзора А. Невзорова (сноска 6).

⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 377.

го в деревенском доме («Разговор на постоялом дворе»); описывает ли случай из жизни молодого человека, загубленного звериными повадками людей, повествование подчиняет логике народных пословиц («Злополучный сын»); выступая против морали тех, кто наживает богатство за счет обмана других, он подбирает такой анекдотический случай, где зло карается по народно-сказочному или басенному принципу торжества справедливости («Человек предполагает, а бог располагает, или Хитрая Кошка») и т. д.

Писательское начало в очерках выражено тем, что автор не просто пересказывает, не только наблюдает и описывает действительность, но и судит происходящее — делает то, в чем видели свою цель писатели «натуральной школы». Весь разговор на постоялом дворе он направляет на изобличение лихоимства. Суть его других очерков сводится к страстному отрицанию губительной власти денег, уродующей человеческую личность. Конечно же, при этом в суждениях о добре и зле С. М. Михайлов идет к тому, что корень общественного зла ему видится прежде всего в извечных пороках людских — алчности, корыстолюбии — само по себе: над писателем довлеет фольклорное народное сознание и сильными своими граниями и слабыми.

Отношение к художественной литературе у С. М. Михайлова возвышенное. Книжки с детства казались ему божеством (350). Начавший знакомство с книгой в молодости с «Еруслана Лазаревича» и «Бовы Королевича», он был человеком начитанным. Он знал русскую литературу от Ломоносова до Пушкина и Лермонтова, с увлечением читал «Тысячу и одну ночь» и «Анекдоты Петра I», внимательно изучал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и труды по поволжской этнографии. Он был читателем множества газет и журналов, был лично связан с их издателями. Имел контакты с рядом современных ученых. При всем этом Михайлов всего более восторгается М. В. Ломоносовым, называет его патриархом русской словесности, видит в нем свой идеал, воспеваает Г. Р. Державина, многократно цитирует и ссылается на басни И. И. Хемницера и И. А. Крылова. Читал он и Пушкина. Научное общественное сознание тесно связывает писателя с русской «натуральной школой» сороковых годов, его просветительские идеи

вполне гармонируют со взглядами литераторов середины века, в то же время михайловское художественное мышление, направленное на освоение классического наследия, как бы еще не выработало нового отношения к современному ему поэтическому творчеству. Оно все тяготеет к способам слияния образной мысли народной со слогом возвышенным.

Образный язык прозы и поэзии его вполне современен по поэтике. Утверждают, что он учился русскому языку, приобретал литературно-творческие навыки «по произведениям А. С. Пушкина прежде всего», что в развитии интереса С. М. Михайлова к прошлому своего народа, к роли и месту его среди других народов, к его материальной и духовной культуре «немалую роль имели произведения А. С. Пушкина на исторические темы»⁸. Но даже если это и так, все равно языково-художественный стиль С. М. Михайлова более отталкивается от Н. М. Карамзина и развивается в его манере.

Пройдет всего десять с небольшим лет после смерти С. М. Михайлова, как зародится литература яковлевской школы, которая ознаменует начало широкого освоения опыта реалистического искусства, будут переводиться современники, сделаются «пищей» для чувашского размышления творения М. Ю. Лермонтова, чувашские писатели будут участвовать в духовной проблематике Н. А. Некрасова, Г. И. Успенского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Такими сторонами наметится и раскроется явление интенсивного развития литературы, начало которому лежит через С. М. Михайлова, чье творчество в истории чувашской письменности ознаменовалось этапом широкого проникновения и утверждения в ней народного сознания, этапом ее перехода от «синкретического», универсального сознания к «специализированному», к типу собственно художественной литературы.

⁸ М. Я. Сироткин. А. С. Пушкин и чувашская литература. Чебоксары, 1949, стр. 6—7.

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОПЫТАХ С. М. МИХАЙЛОВА

С. М. Михайлов называл себя «первым писателем из чуваш», «писателем-самоучкой», а под своими статьями и очерками подписывался «Козьмодемьянского земского суда переводчик чувашского языка». Называя Михайлова первым чувашским литератором, «писательство» его следует понимать в широком смысле, то есть включать в него все то, что он писал (научные публикации, литературные произведения, публицистические статьи и очерки, образцы устнопоэтического творчества). В формировании и становлении чувашской литературы определенные влияния оказали не столько отдельно художественные опыты С. Михайлова, сколько все его работы в совокупности.

Творения С. М. Михайлова можно разделить на две группы: 1) историко-этнографические, статистические очерки с элементами художественности; 2) собственно художественные произведения. Первые из них служили как бы подготовительным этапом для создания литературно-художественных произведений. К литературному оформлению фактов действительности С. М. Михайлов шел через публицистику, через газетную корреспонденцию. Особенно сильное влияние газетной публицистики чувствуется в начальный период творчества. В его первых произведениях почти нет каких-либо изобразительных средств, господствует описательный момент. Такова, например, «Повесть о пребывании в городе Козьмодемьянске государя императора Павла Петровича с великими князьями Александром Павловичем и Константином Павловичем», где автор монотонно излагает, когда прибыл Павел I в Козьмодемьянск, с кем встречался, о чем говорил и что делал. Само определение жанра

данного произведения напоминает древнерусскую литературу, когда термин «повесть» заменял «рассказ», т. е. повествование о чем-либо. Вышеуказанная «повесть» более близка к историческому очерку, чем к художественному. Вслед за указанной «повестью» появились публикации работ исторического, этнографического, географического и статистического характера: «Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде», «Сундырская гора», «Чувашские свадьбы», «Статистическое описание Козьмодемьянского уезда», «О происхождении имени чуваш», «Статистические очерки Козьмодемьянского уезда» и др. В основе их были точные факты и события, или описание быта чувашей. Подобное изложение характерно и для художественных произведений С. М. Михайлова.

Все его литературные опыты — суть натуралистические зарисовки. Художественное мышление С. М. Михайлова в них не развилось до осмысления фактов действительности, до художественного их обобщения. Натуралистичны его рассказ «Хитрая кошка», очерки «Злополучный сын», «Казанские инородцы перед памятником Державину», анекдотический рассказ «Чебоксарцы-свиносуды» и др. Однако в отдельных произведениях есть и попытки художественной обработки фактов и явлений действительности («Разговор на постоялом дворе», в этнографических очерках «Чувашские свадьбы», «Масленица» и др.).

Интересно то, что в историко-этнографических статьях и очерках элементов художественности, составляющих органическую часть их содержания, встречается больше, чем в некоторых его рассказах. В лирических отступлениях, содержащихся в его статьях, риторических вопросах и обращениях, любовно описанных пейзажных зарисовках — во всем этом мы улавливаем мысль автора, его взгляды на современную ему жизнь, озабоченность тяжелым положением «родного племени». Такой лирический «кусочек» мы встречаем в историческом очерке «Сундырская гора». Здесь автор ведет речь о далеком прошлом чувашского народа времен Казанского ханства. На Сундырской горе стояла крепость, в которой чувашки оборонялись от наседавшего на них врага. «Осматривая сию гору, я долго блуждал по ней: мне напоминала она о минувшей жизни и славе моих единоплеменных народов. Увлеченный этой фантазией, держа в руке каран-

даш и бумагу, я сел на развалины укрепления и впал в глубокое размышление. Передо мною ходили и щипали иссохшую траву несколько черемисских лошадей. Сердце мое говорило мне: вот, финн! где прежде происходила брань у твоих единоплеменных народов с московскими героями, и там, где они яростно нападали на русских с этой твердыни, теперь ты видишь одни искаженные следы их могущества. Святая Русь победила, и все покорилось державе русского царя! Покорилось! И ты наконец сделался русским, попираешь теперь твердыню сию ногами и передаешь о подвигах мятежных некогда соплеменников. Погруженный в размышления, я и не заметил, что давно смотрит на меня черемисская девица, пришедшая за лошадыо: обротавши своего гнедка, она устремила на меня взор, но не узнала, что в русской оболочке находится перед ней подобный же ей финн — чуваш. Вставши с вала и не говоря с нею ни слова, побрел я под гору, а она пошла в другую сторону, ведя своего коня» (37).

В этом отрывке С. М. Михайлов выступает как художник. Очень образно передано состояние самого автора: задумавшись, он не сразу заметил девушку. Двумя словами даны портретные штрихи: удивленный взгляд девушки, сам повествователь — чиновник, которого маришка приняла за русского. В то же время по этому краткому отрывку мы можем судить о доброжелательном отношении автора к другим народам. Вот что пишет позже сам Михайлов об этом произведении в своем автобиографическом очерке: «Сундырская гора», помещенная в №№ 29 и 30 1852 года, нравилась многим, особенно нравились чувства мои», и приводит вышеуказанный отрывок (357).

Идея дружбы народов ярко выражена в очерке «Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде»: «Черемисские девицы здесь, можно сказать, красотки, одеваются опрятно и щегольски; им не уступают и чувашские, поелику у них одни и те же манеры, кроме языка, но, впрочем, знают они хорошо и по-черемисски: увидишь иногда, что чувашская девица сидит под вековым дубом, обнявшись с черемисским молодцом, а черемисская с чувашским. В них на этом гулянье незаметно никакой застенчивости: они обращаются с холостяками вольно, берут за руки и гуляют с ними в глуши леса, где Амур

более увивается около этих пар. Бывают случаи, что некоторые холостяки остаются здесь с девицами до глубокой ночи» (23). Манера изложения здесь более описательная, чем предыдущее произведение, как и полагается быть этнографическому очерку. Интересно то, что факты приведены здесь как типичные явления. Но «Балдран-базар» не лишен и образных выражений («Амур более увивается около этих пар», «чувашская девица сидит под вековым дубом, обнявшись с черемисским молодцом»).

Очень удачны пейзажные зарисовки С. М. Михайлова. Они составляют органическое целое в композиционном строе произведения. Это не искусственно придуманная схема, а выражение автором чувства любви к родному краю, родной стороне. «Воздух в Ишаках нагорный, весьма чистый и благоприятный, не стесненный строениями,— пишет он в очерке «Село Ишаки». —Кругом по околице, равно и на базарной площади, расстилается зеленая мурава, придающая особенный вид этому прекрасному селению. Река Онга кольцом вьется под самым селом, а у мельницы образует обширный бассейн воды, обсаженный с обеих сторон таловыми кустами. В этом пруду плавают многочисленные стаи дворовых гусей и уток, и большая часть их принадлежит чувашам, которые любят птицеводство. За рекою тянутся зеленые луга, покрываемые весною разливом воды, а далее, на нагорных возвышениях, между чувашскими селениями, расстилаются бархатные нивы. Вообще здешняя местность очень живописна и несравненно лучше местоположения Чебоксар и Цивильска, так что даже иностранцы, бывшие здесь для изучения чувашского языка, удивлялись ей» (183).

Как утверждают некоторые исследователи¹, в стиле сочинений С. М. Михайлова чувствуется влияние русского историка и писателя Н. М. Карамзина, автора знаменитой «Истории государства Российского». Мы присоединяемся к этому мнению. Это влияние было особенно в начальный период творчества, когда Михайлов приноравливался к сочинительству, делая первые шаги в этой области. «Я соображаюсь с историею Карамзина, достал 8 том, а может быть, еще достану», — писал

¹ В. Я. К а н ю к о в, От фольклора к письменности. Чебоксары, 1971, стр. 97.

он в 1852 году к известному казанскому историку А. И. Артемьеву². Мы знаем, Н. М. Карамзин был представителем сентиментального направления в русской литературе. Сентиментализм наложил отпечаток даже на его знаменитую «Историю». В ряде очерков С. М. Михайлова мы находим сильную эмоциональную струю, риторические вопросы и обращения, что характерно стилю автора «Истории». Позже его внимание привлекла лирика А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Думается, не без влияния русской классической поэзии Михайловым написан «Плач невесты». Стихотворение написано чистым четырехстопным ямбом. Не случайно казанский литератор А. Невзоров писал в «Москвитянине», что в «Чувашских свадьбах» он является с русскими стихами³. Лишь сюжет в михайловском тексте напоминает устнопоэтический плач невесты:

О, ты, Юнга, родной мой край,
Где колыбель меня приjala,
Лью слезы, говоря, прощай,
Я сиротой печальной стала.

Прощай, страна моих отцов,
Прощайте, дни мои младые,
К тебе я сохраню любовь,
В пределы удалясь чужие.

Мой конь не всю меня увлек,
Здесь я часть жизни оставляю.
Прими, прими ее навек,
Тебе в дань сердце обрекаю. (60)

Задача стиха здесь — передать чувство грусти, печаль девушки, ее привязанность к отчужденному дому. И это чувство волнует душу читателя. Автор стихов действительно обладал писательским даром, которому не суждено было раскрыться в полной мере.

Поднявшийся из самых низов, обретший свое образование с невероятными трудностями, он был близок к на-

² Из письма С. М. Михайлова А. И. Артемьеву от 18 января 1852 г. НА ЧНИИ, отд. II, т. 168, л. 15.

³ «Записки» ЧНИИ, вып. IV, стр. 259.

роду, горел желанием облегчить его тяжелую участь, был чутким и впечатлительным. Он любил все здоровое, доброе, хорошее в народе. Любил народное устнопоэтическое творчество. Описывая музыкальное творчество, он сравнивает чувашских пузыристов с волшебниками, Орфеем: «Звуки пузыря у чуваш затрагивают сердце красавиц, когда пузырьник играет заунывно и мелодию своей напоминает им о возлюбленном, тоскующем по своей любезной. Пузырник у чуваш—волшебник. Во время свадеб больше всех отличается он, и если музыкант холост, то он совершенный победитель красавиц: ему они все подчинены и покорны. Думают чуваш, по своему суеверию, что пузырьник может колдовать и привораживать силою пузыря к себе девиц» (38). Но писатель не идеализирует действительность. Он предельно правдив и объективен. Эти самые волшебники-музыканты вынуждены покидать родные места и уйти в бурлаки, искать своей доли на чужой стороне: «...Чувашские красотки, стоя на высоких горных берегах реки Волги, провожают ненасытными взорами своего Орфея с тоскою, воображая себе, что он к ним не воротится, что будет поглощен волнами матушки Волги, сожалеют, что он беден, употребил себя на такую тяжкую работу, пошел в бурлаки» (40). Кроме того, здесь заметна некоторая тенденция к художественному обобщению, картинному изображению внутренней жизни молодежи: порыва любви и переживания про себя, молча, не высказывая наружу своих чувств.

В подобных очерках и литературных сочинениях немало юмора, к освоению которого С. Михайлов также шел от фольклора («Чувашские свадьбы», «Масленица» и др.) и русской классической литературы (творчество И. И. Хемницера, И. А. Крылова). В одних случаях это здоровый, доброжелательный юмор («Чувашские свадьбы», «Чебоксарцы-свиносуды»), в других — бичующий («Масленица», «Хитрая кошка»). Вот отрывок из «Чувашских свадеб»: «Когда побываешь на чувашской свадьбе, то после шумит в ушах целую неделю. Такого шуму на свадьбах у низовых чуваш и четвертой части не бывает, здесь же у нас совершенно другое, а пиво, пиво! ах уж это пиво! так и льется на свадьбах у чуваш и ковшами, и чашками, да притом же оно весьма пьяно: вы-

пивши кваша два, остолбенеешь и будешь совершенно во власти Бахуса» (63).

Большинство литературно-художественных сочинений написано Михайловым в поздний период его творчества. В них обнаженнее проявляется и мировоззрение автора. Можно заметить, что оно в ряде моментов соприкасается со взглядами русских просветителей XVIII века. Будучи одиночкой среди образованных чувашей, своим мыслям и стремлениям вывести народ из темноты он искал поддержку у русской интеллигенции. Кроме практической связи с казанскими учеными, он находил идейную поддержку своим взглядам в произведениях М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова и других. Особенно увлек его пример М. В. Ломоносова.

Идеи раннего русского просветительства (о просвещенном монархе, о необходимости распространения в народе просвещения и научных знаний) в Михайлове подкреплялись его народным сознанием.

Эти воззрения его лежат, к примеру, в основе очерка «Казанские инородцы перед памятником Державину». Здесь он знаменитого русского поэта выводит как лоборника правды и справедливости: «...Он богатырскими словами уничтожил злобу, коварство, водворял правду, любил добродетель, отечество, любил бога и царя» (326). Очерку чужда бесстрастность повествования. Тут мы находим довольно живое и образное изложение: «Дул восточный ветерок, который, ударяя в вознесенную правую руку поэта, производил какие-то таинственные звуки...». Изумленные спутники автора (его односельчане, впервые попавшие в Казань), их портреты, умело обрисованные писателем, живо предстают перед глазами. Речь фигурирующих в очерке персонажей, скрашенная просторечными словами («кубирски», вместо «губернское», «эпёр пёччен топас сок, шта мёскерле мыскарасам пор» и т. д.), также помогает раскрытию образов крестьян — неграмотных, выбравшихся из глуши деревенской.

До конца жизни С. М. Михайлов хранил веру в справедливого монарха. Он не выступал и против крепостной системы, как это делали русские просветители XVIII в. Он брал под обстрел критики более близкие мишени — сельское чиновничество, патриархально-сословную верхушку чувашской деревни, которых следует, по нему,

постепенно «выводить из общества», «предавать суду и наказывать на мирских сходках» (173). В его литературно-художественных произведениях подобные персонажи получают моральное осуждение и наказание. Идея торжества добра над злом получила яркое выражение в его натуралистическом рассказе «Человек предполагает, а бог располагает, или Хитрая кошка»: богатый мужик продал хворую корову, но за обман был наказан тем, что кошка утащила деньги, случайно промоченные в молоке. В своем рассказе писатель выражает мораль, где следствием обмана признает не случайность, а неизбежность, т. е. обманщик неизбежно должен быть наказан. Об этом же говорит и название рассказа «Человек предполагает, а бог располагает». Стиль его напоминает устный рассказ-анекдот, и написан он, как говорит о подобных вещах В. Я. Канюков, «народным способом повествования»⁴. В «Хитрой кошке» нет какой-либо детализации, художественного вымысла. Рассказ этот можно отнести к малому эпическому жанру, типа басни, со значительной долей морализации в конце, ему даже предпослано маленькое вступление о проделках торговцев мясом. Интересно композиционное построение рассказа, представляющее как бы кольцеобразную форму. Взяв названием произведения русскую пословицу, автор завершает его теми же словами, усилив концовку второй пословицей: «Мужик нечем было и порю пособить — и поделом: сама себя раба бьет, коль нечисто жнет. Мужик, продавши хворую корову, хотел экономию соблюсти, но, напротив, сего не состоялось, по пословице: «Человек предполагает, а бог располагает».

Та же идея разоблачения мира обмана и идея торжества справедливости составляет и содержание очерка «Злополучный сын». Правда, справедливость здесь не побеждает: герой погибает, а виновник его гибели остается безнаказанным. Но симпатии автора на стороне несчастного юноши. Всем ходом своего очерка писатель подводит читателя к мысли, что в мире насилия и обмана деньги вершат судьбами людей, проникают во все поры жизни. У кого деньги — на его стороне и правда, и сила. В этом мире нет места честному и благородному человеку. Как видим, постановка вопроса здесь намного

⁴ В. Я. Канюков. От фольклора к письменности, стр. 96.

шире, чем в «Хитрой кошке». Однако замысел очерка вкладывается опять-таки в натуралистические рамки: сюжетом «Злополучного сына» послужил случай, происшедший с шурином самого писателя.

Но указанные сочинения С. М. Михайлова — это скорее всего иллюстрации к его взглядам, лишь сырой материал для создания художественных произведений. И, по нашему мнению, не они являются определяющими и характеризующими уровень его литературного мастерства. Это видно из очерка «Разговор на постоялом дворе», который написан в форме путевых записок. Жанр этот дает много пищи для наблюдений и размышлений. Он был взят на вооружение в русской литературе так называемой «натуральной школой», основным принципом которой было запечатление суровой правды жизни.

В «Разговоре» повествование ведется от первого лица, что придает описываемым в нем фактам большую достоверность. Вместе с тем тут наблюдается тенденция к типизации явлений и характеров. Интересен композиционный прием автора. Здесь повествование ведется в драматической форме, через беседу рассказчика и хозяйки дома. Именно из ее рассказа мы узнаем о тяжелом положении чувашских крестьян. Хотя старуха говорит только об односельчанах, но из ее слов можно заключить, что она так же думает и обо всем чувашском крестьянстве. На вопрос рассказчика: «Разве чувашаи народ не бойкий?» — она отвечает: «Вот ты нашел еще бойких. Их недаром зовут трусами: чуваш — юваш. С кого же брать деньги, как не с них» (337).

Автор не дает нам портрета старухи. Но мы узнаем, что она добродушна, трудолюбива, словоохотлива. Это видно из отдельных приемов изображения: некоторые моменты самораскрытия характера (интерьер, отдельные высказывания автора). Описываются чистые комнаты, «мебель, самовары и прочая домашняя приличная обстановка». Уют и чистота поворят сами за себя о заботливых женских руках. Есть попытки индивидуализации речи персонажей. Так, речь рассказчика (т. е. автора) выдает в нем чиновника, интеллигентного человека, но хорошо знающего жизнь крестьян. Он очень метко пользуется пословицами и поговорками: «Какая собака на хвост навязала вам о рекрутстве?» Или: «Не вдавайся в обман: на то щука в море, чтобы карась не дремал». Также

он употребляет официальные выражения, характерные речи чиновничества: «Не всем же откупаться надобно, кому-нибудь и служить царю и отечеству». Старуха почувствовала в собеседнике своего единомышленника. Она с возмущением говорит о местном начальстве: «Ныне в чувашах все такие головы поделаны, чтобы с живого шкуру драть. Нет житья от них бедным чувашам». Язык очерка лаконичный, сочный. Произведение это говорит о том, что С. М. Михайлов в художественном осмыслении действительности сделал шаг вперед.

Он был вполне подготовлен для создания истинно художественных произведений. Свидетельством тому является его очерк «Масленица» (275—277), написанный сразу же за «Разговором на постоялом дворе». По стилю его вполне можно отнести к художественному произведению. В нем много юмора, сходного со стилем Н. В. Гоголя. Так, слова высокого стиля он употребляет совершенно в противоположном смысле, в результате чего юмор его переходит в иронию. Современную действительность, например, он называет «мудреным временем», а прошлое — «драгоценным временем», жестокое обращение мужика с женой — «деликатным и нежным вниманием». Слово «напилась» заменяет просторечно-уничжительным «нарезалась», «побил» — «отпустил с сотню горячих», «приголубливал» или «рыла сворочены и подбиты очи ясные». В очерке описан не столько порядок проведения масленицы, сколько жизнь мещан уездного города. Сам зачин здесь скорее похож на художественное сочинение, чем на научное. Автор начинает его неторопливо, задумчиво, как и в начале эпических произведений: «Давно прошла широкая наша масленица со своими затеями и катаниями, так же как проходят и все наши суеты и удовольствия, приближая нас постепенно к концу жизни». Затем темп повествования становится стремительнее, динамичнее, повышается и эмоциональный настрой: «Много происходило тут и трагических приключений и не токмо на улицах, но даже и в самих домах. Бывало, сначала беседа идет тихая, женщины сидят ни гу-гу, но когда заискрится русское веселие, — то уже прощай, хоть беги из дому». Даже из приведенных примеров видно, что «Масленица» очень близка к художественному очерку.

Вообще же, повторяя, можно сказать, писательское дарование С. М. Михайлова было столь велико, что, занимаясь научными сочинениями, он в них то и дело обращался к литературно-художественному творчеству. Первый ученый-самородок, он оставил обширные историко-этнографические труды с элементами художественности, в них первый художнически тонко коснулся чувашского характера, показал живую душу народа.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С. М. МИХАЙЛОВА И МАРИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Научная и литературно-публицистическая деятельность С. М. Михайлова, впервые возбудившего интерес общественности к историческому прошлому, быту и поэтическому творчеству чувашского народа, оказавшего прогрессивное воздействие на формирование его национального самосознания на демократической основе, оставила заметный след в духовной жизни и культуре не только чувашей, но и их давних соседей — марийцев. Свообразием своего творчества Михайлов считал то, что он являлся «первым писателем» в России «из миллионов чуваш и черемис»¹. Он проявлял глубокий интерес к экономическому состоянию, повседневному быту, духовной культуре горных марийцев, с любовью записывал их песни, предания и сказки; на основе марийского жизненного, фольклорного материала им был написан целый ряд исследовательских, публицистических произведений. Наиболее ценным, исторически значимым в этих произведениях является то, что первый чувашский писатель отображал марийский быт прошлого столетия как непосредственный очевидец. Многие он увидел глазами местного уроженца, жителя горно-марийской стороны. По трудам С. М. Михайлова можно картинно, в конкретных деталях представить отдельные стороны повседневного быта, труда и духовного мира крестьян и горожан бывшего Козьмодемьянского уезда. Михайлов действительно оказался первым писателем чувашей и марийцев в России. В те времена, когда, по словам Т. Шевченко, «от молдаванина до финна на всех языках все» молчали²,

¹ «Записки» ЧНИИ, вып. IV, стр. 245.

² Т. Шевченко. Собр. соч., т. I, М., 1949, стр. 317.

когда ни у чувашей, ни у марийцев не было еще художественной литературы, он сумел сказать нужное, доброе слово о них, обратив на них тем самым внимание общества, дать им начало литературно-творческой традиции. Деятельность первого чувашского писателя дала определенные творческие ориентиры, своеобразные предпосылки и для марийских деятелей, которым пришлось создавать во второй половине XIX века марийскую письменность, готовить почву для оригинальной письменной литературы.

Марийская художественная литература, по сравнению с чувашской, возникла на несколько десятков лет позже, в годы первой русской революции. Но стремление рассказать о своем народе, писать для родного народа среди передовых деятелей марийского народа возникло еще в XIX веке. Начиная с конца 60-х годов, отдельные просветительски настроенные учителя и другие представители сельской интеллигенции начали составлять учебные пособия для обучения марийских детей, писать очерки и рассказы этнографического, полуфольклорного содержания.

Исследователи марийской литературы не раз отмечали, что оригинальная художественная литература у марийцев возникла с публицистики, этнографических очерков и школьных книг, в появлении которых решающую роль сыграли литераторы-просветители, писавшие во второй половине XIX — начале XX вв. Рождение просветительского этапа в истории марийской письменности В. А. Мухин считал «эпохой достаточно интересной»³. Во второй половине XIX века из числа немногочисленной тогда марийской интеллигенции выделились отдельные литераторы (И. Маляров, Г. Яковлев, В. Лукьянов, П. Ерусланов, С. Нурминский, Т. Семенов и др.). Их работы публиковались в различных краеведческих изданиях, на страницах газет и журналов, печатавшихся в Казани, Вятке и Нижнем Новгороде (С. Нурминский. «Очерк религиозных верований черемис» — 1862 г.; И. Маляров. «Беседы к черемисам Кузнецовского прихода» — 1873; Г. Яковлев. «Религиозные обряды черемис» — 1887; Т. Семенов. «Черемисы» — 1893;

³ В. А. Мухин. Первые шаги марийской литературы. «Марий эл», 1928, № 12.

П. Ерусланов. «Как у нас школу открыли», «В земской школе», «В гостях у черемис» — 1897; В. Лукьянов. «Черемисское предание, относящееся ко взятию русскими Казани» — 1887; «Из детских воспоминаний черемисина» — 1899 и т. д.). За неимением возможности публиковать свое творчество на родном языке они писали по-русски. В том, что первые национальные авторы в дореволюционном прошлом в литературных целях обращались к другому языку, нет ничего удивительного. В условиях, когда властями пресекалось поползновение развивать нецерковную, светскую письменность на языках нерусских народностей, обращение к языку Пушкина, Тургенева и Толстого было явлением закономерным. Выбрав для своего творчества русский язык, марийские литераторы второй половины XIX века поступили так же, как С. Михайлов, который, как известно, тоже в большинстве случаев писал на русском языке и в основном был автором не повестей и рассказов, а произведений историко-этнографического, публицистического характера.

Произведения первых марийских литераторов-просветителей тоже не были художественными. Их авторы, подобно Михайлову, являлись не столько писателями-художниками, сколько очеркистами-краеоведами, этнографами-любителями. Работали они по заданию различных научных и краеведческих организаций (например, Русского географического общества, Общества истории, археологии, этнографии при Казанском университете, Вятской ученой архивной комиссии, Нижегородского статистического комитета и т. д.), для них собирали фольклорные, этнографические материалы и на основе собранного писали статьи, очерки, путевые записки, небольшие рассказы публицистического характера. Эти произведения с отдельными элементами художественного повествования были богаты жизненными впечатлениями, фактическим материалом. Этнографические очерки И. Малярова, Г. Яковлева, Т. Семенова, П. Ерусланова, по утверждению М. Г. Худякова, историка тридцатых годов, «в смысле документальности, точности и достоверности... представляли описательные материалы высокой ценности»⁴. И. Маляров, учитель, горный мариец, по сло-

⁴ М. Г. Худяков. Очерки истории первобытного общества на территории Марийской области. М.-Л., Соцэкгиз, 1935, стр. 19.

вам известного ученого-этнографа И. Смирнова, вообще был первым марийцем, заинтересовавшимся историей своей народности и начавшим писать очерки на историко-этнографические темы⁵.

Марийские литераторы-этнографы прошлое и настоящее своего родного народа освещали с просветительских, гуманистических и демократических позиций. Они во многом были детьми своего времени. Над ними в определенной мере тяготели привычки и предрассудки миссионерской выучки (большинство просветителей-марийцев получило образование в миссионерских школах). Марийский край в то время еще слабо вовлекался в сферу всероссийского экономического развития, что обусловило ограниченность мировоззрения даже передовых деятелей просветительского движения. Однако деятельность их, уже содержащая зримые черты светской образованности, объективно сыграла прогрессивную роль в истории марийской культуры.

Творчество марийских литераторов-этнографов второй половины XIX века, слов нет, главным образом возникло в результате дальнейшего развития своих родных национальных традиций, в первую очередь, отражало состояние общественной мысли в Марийском крае. Но оно ничуть не было национально замкнутым. Их деятельность развивалась под влиянием прогрессивной русской общественной мысли, передовой русской науки и литературы, своеобразно перекликалась с просветительским движением татар, чувашей, удмуртов и мордвы. Не оставили марийские просветители без внимания и наследие С. М. Михайлова, который им дал пример отображения родной им марийской действительности. Михайлов оказался им близок тем, что он незадолго до них уже обратился к марийской тематике, писал о марийцах. Марийские писатели-просветители, особенно литераторы из горных мари, жившие на территории бывшего Козьмодемьянского уезда, обратились к той же тематике, что была у Михайлова, иногда повторяли его темы. Так, события присоединения горного берега Волги к Руси, нашедшие в свое время беглое отражение в записках С. М. Михайлова, повторно получили отражение в очерках И. Малярова; поверья и обряды, праздники горных

⁵ И. Н. Смирнов. Черемисы. Казань, 1889, стр. 205.

марийцев вновь нашли отражение в очерках Г. Яковлева; о талантах из народа, о преодолении темноты и невежества писал горный мариец В. Лукьянов, который, кстати, в 70-х годах прошлого века записал и опубликовал легенду об Акпарсе, удивительно сходную с легендой о батыре Сарые, записанной раньше С. М. Михайловым; К. Рябинский вслед за Михайловым создал очерки по истории города Козьмодемьянска и в своих работах дал ссылку на труды замечательного предшественника. Многие в просветительской деятельности марийских литераторов второй половины XIX в., в их творческих приемах, осмыслении жизненного материала поразительно напоминает то, что делал в свое время С. М. Михайлов. Они тоже собирали и публиковали этнографические, фольклорные материалы. Начиная со второй половины XIX в., на страницах научной, общественно-публицистической печати, в различных литературно-этнографических сборниках время от времени печатаются на марийском языке отдельные образцы устнопоэтического творчества (песни в книге Ф. Васильева «Пособие к изучению черемисского языка» — 1887; «Сказка о том, как один мариец обманул черта» в записи Т. Семенова — 1897; песни, загадки, сказки на страницах «Марийских календарей» за 1908—1913 гг.; сборник песен, загадок, басен, собранных Г. Леонтьевым — 1910 и т. д.). Произведения народного творчества преобладали и в хрестоматиях для школ («Первая марийская книга» П. Глезденева — 1906; «Вторая марийская книга» — В. М. Васильева и П. Глезденева — 1907; «Третья марийская книга» С. Григорьева и В. Илатова — 1910). Для того, чтобы приохотить детей к родному слову, авторы первых марийских учебников предлагали вовлекать учеников «к записыванию на память пословиц, загадок, сказок и песен и тому подобных произведений»⁶. Фольклорность, литературное освоение устнопоэтических богатств, активная их пропаганда сблизили марийскую просветительскую литературу с традициями чувашского писателя, увлеченно собиравшего марийский фольклор.

С. М. Михайлов был первым чувашским литератором, вступившим в контакт с деятелями, изучавшими жизнь,

⁶ П. Глезденев, В. Васильев. Весь марла книга (Вторая марийская книга). Казань, 1907, стр. 2.

быт и язык марийского народа. Он завел дружбу с русскими, украинцами, финнами, изучавшими марийский край. Непосредственной связи с местными горномарийскими краеведами начала и середины XIX в. (русскими священниками), например, с таким деятелем, как М. Кроковский — автор этнографического очерка «Горные черемисы» (1854), — у него, по-видимому, не было. М. Кроковский в середине XIX в. сделал очень много для изучения марийского фольклора, но по своим идейным убеждениям был монархистом, сторонником самодержавного произвола. Во время Акрамовского восстания он рьяно помогал царским властям в усмирении крестьян. Он вместе с казачьей сотней «привел к покорности и марийские селения Больше-Юнгинской волости»⁷. Кроковский всячески притеснял просветительски настроенных первых горномарийских учителей, писал на них доносы, добываясь запрещения светского образования для инородцев⁸.

Михайлов же, как известно, в дни Акрамовского восстания проявил сочувствие к бунтарям, стоял за светское образование, ненавидел всяческий национальный гнет. Оттого ему оказались близкими деятели, считавшие, что чуваша и мари достойны своей культуры. Близким ему стал профессор Казанского университета А. И. Артемьев, автор ряда статей по истории и этнографии народа мари («Кереметь» — 1846; «Очерк истории черемис» — 1848).

Известный ученый А. Гакстгаузен, посетивший в 1843 г. Козьмодемьянск, встретил там чиновника ведомства государственных имуществ Фененко, «человека живого темперамента и рационального склада ума»⁹. Этот чиновник старательно изучал жизнь и быт марийцев и чувашей, собирал их народные песни, сказки, легенды и предания, что было, по его мнению, «очень важно для ближайшего знакомства с ними». По словам Гакстгаузена, Фененко написал книгу о чувашах и ма-

⁷ П. Озеров. Мари в крестьянском восстании 1842 года в Поволжье. «Вопросы истории, языка, литературы и фольклора мари», вып. II, Йошкар-Ола, 1940, стр. 59—60.

⁸ В. Лукьянов. Первые горномарийские учителя (1860—1880 гг.). Рукописный фонд МарНИИ, д. 460, 461.

⁹ А. Гакстгаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т I, М., 1870, стр. 294—295.

рийцах. К сожалению, этот труд местного краеведа потерялся, оставшись неопубликованным. Характер работы, содержание его поисков дает нам повод думать, что С. М. Михайлов, по-видимому, имел какое-то отношение к деятельности этого краеведа.

В сороковых и пятидесятых годах XIX века в Поволжье с целью сбора языковедческого и фольклорно-этнографического материала приезжали видные ученые — венгр А. Регули, швед А. Аלקвист и финн М. Кастрен, которым Михайлов оказал помощь как краевед. По документальным источникам известно, что Регули, Кастрен и Аלקвист, будучи в Поволжье, познакомились с Михайловым, пользовались его знаниями в области языка и фольклора. На основе языковедческого и фольклорного материала М. Кастрен написал научную грамматику марийского языка.

Традиции творческой дружбы, культурных контактов, начатые С. М. Михайловым, потом, во второй половине XIX в., продолжили Н. И. Золотницкий, В. К. Магницкий. Они сделали многое и для развития марийской культуры. Н. И. Золотницкий выступил как инициатор создания и публикации первого марийского букваря. Им было подготовлено и издано методическое пособие под названием «Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей» (Вятка, 1867). В нем он высказал свой взгляд на создание литературного языка на основе народного: «Русский вполне обработанный литературный язык ради успехов просвещения нисходит до простонародной речи, а между тем составляющих черемисские учебники упрекают в стремлении дать этому наречию «литературную обработку»¹⁰. Будучи инспектором народных училищ в Уржумском уезде, населенном в основном марийцами, В. К. Магницкий, литератор-этнограф, уроженец Чувашии, уделял большое внимание отображению жизни и быта марийских крестьян¹¹. А проблемой культурных связей с чувашами интересовался профессор Казанского университета И. Н. Смирнов, мариец по своему национальному происхождению, автор книги «Черемисы» (1889).

¹⁰ Н. Золотницкий. Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей, стр. 8.

¹¹ Алфавит языческих имен черемис Елабужского уезда. «Календарь Вятской губернии на 1893 г.», Вятка, 1892; Из быта казанских инородцев. «Этнографическое обозрение», 1894, кн. XVII, № 3.

Традиции, созданные деятельностью С. М. Михайлова, восприняли как бесценный дар, как яркое демократическое наследие прошлого, марийские советские писатели и ученые. Ссылку на историко-этнографические труды Михайлова мы теперь часто встречаем в марийских библиографических указателях по краеведению¹². Статьи, обзоры о его творчестве публикуются в книгах, газетах и журналах Марийской АССР¹³. В учебном пособии «История Марийской АССР», предназначенном для учащихся 7—8 классов, высоко оценивается роль С. М. Михайлова в просвещении марийского народа¹⁴. В. Колумб, известный поэт, на марийский язык перевел стихотворение «Плач невесты», написанное Михайловым на основе народных песен. В песне этой, являющейся поэтическим пересказом содержания фольклорного произведения, марийский поэт увидел поэтическую душу не только чувашей, но и марийцев.

Очерки, статьи и стихи С. М. Михайлова в новых исторических условиях не стали забытыми. Они оказывают свое воздействие на духовное развитие, на художественное сознание. Творческие традиции, начатые Михайловым, обрели силу и действенность в стихах и поэмах, рассказах марийских писателей. Они живы и созвучны его творчеству в произведениях, рисующих горную сторону Волги, Сундырскую гору, реку Юнгу, народный быт, его историю, многовековую дружбу марийцев с чувашами и русскими (Н. Ильяков «Аламнер»; П. Першут «Юнга горит»; А. Мурзай «Акрам восста-

¹² Я. Ялкаев. Материалы для библиографического указателя по мариеведению (1762—1931). Йошкар-Ола, 1935, стр. 31.

¹³ К. В а с и н. Русские писатели и народ мари (на мар. языке). Статья первая. Альманах «Пиалан ильш», 1951, № 34, стр. 152—153; К. В а с и н. Страницы дружбы. Йошкар-Ола, 1959, стр. 134; Очерки истории марийской литературы. Часть первая, Йошкар-Ола, 1963, стр. 362; Очерки истории Марийской АССР (досоветский период). Йошкар-Ола, 1964, стр. 205; Г. А й п л а т о в. Исследователи родного края (С. Михайлов, К. Рябинский, И. Износков). «Ленин корно», 1966, 12, 15 марта; М. Сергеев. Этнограф, знающий жизнь (на мар. языке). «Марий коммуна», 1964, 3 ноября; К. В а с и н. Певец двух народов (на мар. языке). «Марий коммуна», 1971, 24 ноября; В. К о л у м б. Спиридон Михайлов (на мар. языке). «Марий коммуна», 1971, 21 мая и т. д.

¹⁴ Г. Н. Айплатов. История Марийской АССР. Учебное пособие. Маркнигиздат, 1968, стр. 68.

ний»; Г. Матюковский «Стихи о Чувашии» и т. д.). Почти все горномарийские писатели, подобно С. М. Михайлову, с увлечением собирали народные песни, сказки, легенды и предания, подвергали их поэтической обработке. Этим отличалось, например, творчество П. Эмяша, Н. Игнатьева, С. Эпина, А. Пеклатыра, П. Першута, К. Беляева; этим ныне отмечена поэзия Г. Матюковского, проза В. Сузы.

Марийские писатели творчески осваивают духовное наследие прошлого, берут из него то, что помогает нам строить современную культуру, литературу и искусство.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Д. ДИМИТРИЕВ. Спиридон Михайлович Михайлов. Его жизнь и труды	3
Л. А. ИВАНОВ. К характеристике историко-этнографических работ С. М. Михайлова	35
Г. А. АЛЕКСАНДРОВ. О географических и статистических сведениях в трудах С. М. Михайлова	41
Г. Н. АИПЛАТОВ. Козьмодемьянский уезд предреформенного десятилетия в историко-этнографических трудах С. М. Михайлова	44
Е. С. СИДОРОВА. С. М. Михайлов как фольклорист	51
В. Я. КАНЮКОВ. Творчество С. М. Михайлова как этап утверждения народного сознания в ранней чувашской литературе	57
А. В. ВАСИЛЬЕВ. Заметки о литературно-художественных опытах С. М. Михайлова	68
К. К. ВАСИН. Творческое наследие С. М. Михайлова и марийская литература	79

**Научно-исследовательский институт
при Совете Министров Чувашской АССР**

С. М. МИХАЙЛОВ

**первый чувашский этнограф,
историк и писатель**

Художник С. Владимиров
Технический редактор В. А. Прохорова
Корректор А. П. Сидорова

НТ 14145. Сдано в набор 19-XI-1971 г. Подписано к печати 12-III-1973 г. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2. Физ. печ. л. 2,75. Усл. печ. л. 4,62. Учетно-изд. л. 4,52. Тираж 600 экз. Заказ 4581. Цена 37 коп.

Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корпус 1.

Типография № 1 Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Чувашской АССР.

